

альманах

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

2/2006

EESTI
KIRJANDUSE
SELT

TULELOHE
ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Воздушный змей. 2/2006. Альманах

Редактор Игорь Котюх
Художник Марек Аллвез

Издатели:
Эстонское Литературное Общество (EKS)
Tuulelohe – Воздушный змей (TVZ)

Альманах выпущен при поддержке фонда Eesti Kultuurkapital

Типография Bookmill, Тарту, Эстония
© Авторы

ISSN 1736-4701

ПАВЕЛ НАСТИН

(КАЛИНИНГРАД, РОССИЯ)

[ГДЕ ПОЛЬША]

*

я еду по направлению к госгранице
по своим рабочим делам
в голове вертится один такой отрывок

*хохол и хачик подкрашивают стареющую столицу
в которой время теряет способность длиться
новые белые люди держат в руках синицу
но она задохнется поскольку птица*

машина скользит на шоссе зима
по обочинам спиленные деревья
они состарились
они могут упасть
в сильный ветер
могут перегородить дорогу
может случится беда
быть человеческие жертвы
их разрезали поперек зимой
они стояли черные черные
без листвы голые спали вместе
обнявшись вместе
в ряд стояли раздетые
только ворс у них синего мха на торсах
их спилили во сне
они продолжают спать
головами в кюветах

однажды двадцать пять лет назад
мама захотела увидеть город своего детства
и отчим отвез нас туда на своей красной ладе
я стоял у самой границы
у памятника князю багратиону
смотрел на чугунные пушки времен
мама!.. мама!.. где польша?
там!.. она махнула рукой
там были какие-то кусты
какие-то холмы
нет какие-то буераки бугры
была какая-то местность
непреодолимая частность
не может быть чтобы там была польша
наверное настоящая польша
дальше чем мой взгляд
далеко далеко
мама где гдыня?
там!..
кусты забор проволока
я расстроен
мне ничего не видно
такая клетка
из которой даже ничего не видно

в этот раз у шлагбаума
меня опять приняли за поляка
пан! пан!
а я не поляк
я русский

на обратном пути
я видел на вершине дерева у дороги
большую бурю хищную птицу
мне показалось
у нее *человеческое* лицо

БАЛТИЙСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ

Игорь Котюх, редактор

Хотя страны Балтийского региона имеют общую береговую линию, у них разный исторический и культурный опыт. Находясь на пересечении двух цивилизаций, Великой России и Западной Европы, они всегда привлекали к себе внимание больших народов и сами искали контактов с ними.

Особенность всякого приграничья состоит в том, что оно стимулирует обмен идеями и поиск этнокультурных ориентиров. Эти вопросы особенно актуальны для некоренного населения, переехавшего внутри одной страны из других бывших советских республик в «Прибалтику», – т.е. для мигрантов и их потомков. Ведь именно им нужно выстраивать отношения с местными традициями и языком, не теряя при этом связи с наставлениями, впитанными с молоком матери.

Кроме того, события мировой истории накладывают дополнительный отпечаток на мировоззрение обитателей приграничья. За последние 15 лет жизнь в Балтийском регионе очень изменилась. Границы стали более прозрачными. Живописные средневековые замки и янтарные пляжи Балтийского моря стали достоянием множества туристов. Развитие высоких технологий ускорило обмен информацией, позволяя шагать в ногу со временем в любой области знания, но при этом ускорилось и само время.

Что же такое «русская литература с балтийским акцентом»? Как проживающие в Балтийском регионе авторы понимают развитие русской словесности? Каких ориентиров придерживаются? Это некоторые ключевые вопросы альманаха, не предполагающие однако единственно верного ответа.

В настоящий выпуск альманаха вошли произведения 28 авторов из 6 стран и областей Балтийского региона: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Ленинградской и Калининградской областей России.

В большинстве своем, это авторы «новой волны», известные по выступлениям на многочисленных литературных фестивалях так наз. «актуальной поэзии» и различным Интернет-акциям.

Среди них есть именитые литераторы, чей талант повсеместно признан, и новички, для которых публикация в альманахе является первой.

Как видно из перечня стран, ставка была сделана на постсоветские балтийские республики. То, что раньше обозначалось понятием «Прибалтика» – теперь стало независимыми странами, вступившими в Европейский Союз.

Впрочем, один из авторов альманаха, Дмитрий Кузьмин, имеет косвенное отношение к Балтийскому региону, поскольку проживает в Москве. Однако этот поэт и издатель в своей деятельности не раз обращался к творчеству авторов, творящих на берегу Балтийского моря и потому он со своим очерком о современной русской литературе заявлен в альманахе как гость номера.

Также хотелось бы отметить поэта Эрику Друнгите. Для этого проживающего в Вильнюсе автора родным языком является литовский, на котором Друнгите выпустила два сборника стихов. Однако русский язык и культура представляются поэту настолько привлекательными, что побуждают его вступать в диалог с русской литературной традицией. И Эрика Друнгите участвует в нем со своими стихотворениями, написанными по-русски.

Пока готовился альманах, из Риги пришло грустное сообщение: умер поэт Олег Золотов. Один из наиболее ярких поэтов русской Латвии готовил свою подборку вместе с другими авторами текст-группы «Орбита». Сначала товарищи прислали его подборку, а спустя некоторое время пришел некролог. Альманах «Воздушный змей» отдает должное поэтическому дару Олега Золотова и публикует последнюю составленную автором подборку стихов, вместе с воспоминаниями о нем.

Итак, на страницах альманаха представлена переключка между национальными литературами стран Балтийского региона и собственно русской литературой, между западноевропейской и русской культурами, – переключка, в которой принимают участие авторы, мигрировавшие либо постоянно проживающие в Балтийском регионе.

Это – второй номер альманаха «Воздушный змей». В первый, вышедший весной 2006 года, вошли произведения русских поэтов и писателей из эстонского города Тарту.

СЕМЕН ХАНИН

(РИГА, ЛАТВИЯ)

сидя на груди переполненного фибрового чемодана
судорожно зажимая ему защелку
наваливаясь всем телом, чтобы он наконец закрылся
недоумевая чего же еще ему надо
из содержимого выброшенного заранее
чтобы он перестал прищемлять пальцы
когда заправляешь выбившуюся из щели челку
блузку, мятую шелковую сорочку
все дальше уезжающую по чулку стрелку
рубашку, зашитую толстой ниткой
аккуратно подклеенную двойную подкладку
все сильнее оттягиваешь замка колечко
чтобы отошла язычка металлическая колючка
шелкнет уже? не шелкнет?

здесь кто-то меня укусил или я обжегся
здесь я упал с качелей
затянулось, но иногда чешется
нет, не здесь, немного повыше
там какая-то сыпь
может быть аллергия
здесь вот напился подрался
это аппендицит
тут я не помню что
лучше не трогай

если надо переждать концерт или футбольный матч
перекантоваться часа два
как всегда сам получается накручиваешь себя
усиленно стараясь не пережать, не увлечься
уговариваешь не спешить, понижаешь голос
хотя с началом и так скорее всего опоздали
и придется еще и еще задержаться

но все равно перебарщиваешь, не можешь
как будто это сильнее тебя

клей неудачный
и слегка изменен цвет глаз цвет волос рост
сильно не раскрывать
на границе делать честное лицо
и улыбаться
чтобы швы были не так видны
зато шикарные имя и фамилия
и подозрительно юный возраст
а водяные знаки такие
что можно вообще не дергаться
если кто-то не отрываясь смотрит тебе в лицо

выписали мне капли, принимать раз в неделю по капле
вывели из больницы под руки, посадили в коляску
сняли с меня халат, сняли с глаз повязку
вынули кляп изо рта, из ушей паклю
что ли мало до этого на мозги мне капали
сколько раз живьем закопали, мертвым выкапывали
дали шоколаду, сказали неправду и плохо пахли
здоров говорят, а ведь что-то со мной не так, не так ли?

АНТОН ЛЮЦИЕВ

(КАЛИНИНГРАД-МОСКВА, РОССИЯ)

Мы сидели вместе
Где-то.

На кухне,
Слушали звуки радио
«Маяк»
(Гендель.
Какая-то оратория,
Что ли).
Сквозь решетчатые занавески
У солнца происходил
Медленный и очевидный
Закат.

«Что-то не очень прикольно, –
Сказала Оленька,
Когда все кончилось, –
Небезоблачно»
Всего-то, всего-то.
Всего лишь.

Гулял по Тимирязевскому парку.
Был там один.
Один и холод.
Один и лысые деревья.
А главное: нет засиженных скамеек.
Вместо них – мои следы на снегу.

Воздухом – это больше денег.
Землей – как водится, лень.
Поэтому я вернусь железом,
Раздвоенным и параллельным.

Это о неотправленных письмах.
Занятная, в сущности, вещь.
Написал вроде ты.
А принадлежит-то уже другому.

Чем я неспокойнее,
Тем больше расстояние
Между строк.

Под новый год
Гадал
По единственной
Подаренной
Книге –
American Psycho.
Первый раз выпало:
«Цветок кактуса».
Второй –
«Ну и теперь куда?»
Третий –
Чистый
Белый
Лист.
Не экономит бумагу
Издательство «Ультра.
Культура».

ДЕНИС КУЗЬМИН

(ТАЛЛИНН, ЭСТОНИЯ)

ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Если меня вдруг зарежут в драке,
Или застрелит пьяный сосед,
Лишь специально обученные собаки
Смогут взять убийцы след.

Если я вдруг – хотите верьте,
Хотите нет – утону в реке,
Врач установит причину смерти:
Иначе – следствие в тупике.

Если случится такое дело,
Что я из окошка метнусь, как тень, –
Внизу нарисуют контуры тела,
И хватит вам разговоров на день.

А если хищник голодный и дикий
Съест меня в пятницу утром, то
Вряд ли кто-то найдет улики –
Даже пуговицы от пальто.

Я не провидец, не нужно мистики,
В жизни над каждым подвешен груз.
Да здравствуют основы криминалистики –
Жизни и смерти славный союз!

БЫТ

Мы живем в эпоху менопаузы,
Надо всем стоит Туркменбаши.
Как написано в «Эфроне и Брокгаузе»:
Встань, ходи и больше не греши!
Если утром солнце будет яркое,
Мы с тобою перейдем на «ты».
Присылай мне письма, где под марками –
Неприменно спрятанный алтын.

Мы живем в одних квартирах с мертвыми,
Ходим на работу в мавзолей,
Где под письменами полустертыми –
Соль эпох, что едче всех солей.
Ходим в баню, ссоримся с соседями,
Делим с кришнаитами свой быт.
Нас любил один веселый медиум,
Он сидит за нелегальный сбыт
Откровений и прямых пророчеств...

Жизнь земная близится к концу.

Эта бледность, как и одиночество,
Струйками стекает по лицу.

ТАИСИЯ КОВРИГИНА

(ВИЛЬНЮС, ЛИТВА)

Мурлыканье кошек сквозь толщу воды – гусли

Мне нравится все, что видимо изнутри

Из тишины голубого
из пустоты обозримого
в тело женщины

Где проснуться, чтобы утро Грига,
чтобы мир доверился как книга,
распахнулся веером из мига,
воздухом – захлеб?

Где заснуть, любимый, как проснуться,
от какого солнца отвернуться,
чтоб соприкоснуться с этой куцей
нежностью и верностью амеб.

ай-ра-ри! увядший ор
мертвая голубка
путешествуй в птичий морг
точно в мясорубку

неестественно крыло
нечто приоткрыло
все, что было и могло
не смогло и сбыло

ЛЯ МУЗЫКА

ля музыка пой меня дои
трои меня струи меня о и
воистину немислима в молве
как выстрел приглушенный в голове
как выстрел совершивший челове
как смысл пробегающий в траве

до си же коль живущее еси
ля музыку возьми и донеси
на берег береженое сложи
и лжи не будет и не будет жи

И лишь поцелуй
уносящий ветер дыхания
спасет одуванчик

Осень – истерика стынущих птиц
или листвы сенебрстная шелесть
выбери то, что тебе по душе
и умри

сiju на облаке нагая
внизу кочуют племена
я постоянно забываю
свои земные имена

и низачем и ниоткуда
и никуда и никогда
я покровительница чуда
я колыбельная вода

Наполнившись ветром
до самых краев одиночества
становишься слишком
мужчиной и женщиной

я бы хотела сказать музыку
так, чтобы каждый сказал:
я видел музыку!
так, чтобы каждый подумал:
я трогал музыку!
так, чтобы каждый вспомнил:
эта музыка – я!

да, я бы хотела сказать музыку
музыку, под которую
в глазах у каждого
танцует истина.

Все, что вокруг – обо мне
но без меня.

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ

(РИГА, ЛАТВИЯ)

ВОРЫ

Здравствуйте, мы воры из провинциальной гостиницы.
Ждем, пока кто-нибудь не загуляет,
А можем и подсыпать кефалина в коктейль.
Потом будем долго шарить по карманам,
Отнимем бумажник и часы.
Просто мы очень любим деньги.
И у каждого есть своя цель в жизни.
Я хочу большой дом с огромными постерами
«Металлики» на стенах.
А он хочет джип «Хаммер», чтобы кататься кругами
По главной улице, время от времени приспуская стекла,
И орать: «Я имел вас и этот город!»
Но обороты у нас не очень.
Кто сюда ездит? Романтические парочки
Да менеджеры по продаже шведской косметики.
Мы чистим им карманы без сантиментов.
Но этих денег хватает разве что на жизнь.
Живем мы скромно, снимаем гостевой домик,
Купили недавно музыкальный центр «Тошиба»,
А вот на машину не хватает.
И вечерами на заснеженной улице
Под редкими фонарями передвигаются
Две укутанные фигуры. Это мы идем на дело,
В бар гостиницы. Его хозяин имеет долю.
И еще по уговору с ним мы действуем аккуратно.
Не бьем по лицу, не ломаем ребер. И оставляем
Спящих не в снегу, а на крыльце.
В принципе, мы собираемся скоро двинуть в столицу.
Есть контакты и вообще иногда хочется размаха,
Понимаете. А то иногда мы сами себе подсыпаем

Кефалина и грабим друг друга, чтобы не растерять навыки.
Потом «жертва» просыпается со страшной головной болью,
А «грабитель» уже наготове с холодным компрессом и крепким
Чаем. В общем, живем себе потихоньку. Ну, конечно,
Название гостиницы и что это за городок, мы не скажем.
Да, может, мы и ненадолго здесь останемся.
Только не говорите, что навсегда.

ОТКРЫТКА С ЮГА

Все это пляж, и я на нем лежу.
В зеленых плавках, и очки на переносице.
Ничей товарищ, павший в полотенца.
Приехал, вышел, грохнулся, до встречи,
пишите письма и на рельсы сыпьте
глухой и голубиный оловянный порох.
Жестокий и прямой, лежу на пляже,
как палка смуглый, кожу жгу тягуче,
потом иду купаться и в воде, под ней,
плыву и слышу – кровь стучит, гоняя
кислород и минералы в теле сжатом.
Я не играю в пляжный волейбол. Зачем
вставать, и хлопать по мячу, и мельтешить.
Имею право тут, среди других остаться.
Распластан на песке с утра и до заката.
Вы можете меня найти, девятый сектор,
восточный пляж, левее раздевалки.
Но не спешите с этим, подождите,
присядьте рядом, поглядите, вот я.
Смуглее всех, лежу в зеленых плавках.
Ну, ладно... Можно хлопать по плечу.

ПОПЫТКИ

Профессор входит в аудиторию в ореоле трех жен и многочисленного потомства, эмиграции, империй, признания. Двадцатилетняя официантка мучает сумочку. Она хочет понять, что делать сегодня вечером, чтобы это казалось правильным завтра утром. Она слушает, невысокая, на стуле. Злая бестия, маленькая официантка, обсчитавшая не одного мужчину, хохотавшая над «Книгой перемен» и прогнозами гадального салона «ТеоАстра». Она пришла слушать профессора, а профессор, присев на краешек стола, повторяет: «Дамы и господа, дамы и господа...» Темой его выступления будут – истины и еще раз истины. Он шикарно водит глазами и смотрит на часы. Потом все стоят и курят в коридоре, один черноволосый поэт бросает взгляды. Истина движется к нам как лед весной, на его белых глыбах сидят боги, унесенные рыбаки. Постепенно солнце обыденности заставляет их сойти на берега Европы, Азии, Африки. Профессор обещает встретиться через миллион лет. Официантка, дочка китайца и марокканки, делает выводы: если к каждому из ее клиентов подойти с одним и тем же вопросом, многие из них больше никогда не придут к ней обедать.

РЕПЕТИЦИЯ ОРКЕСТРА

Для Ф.Ф.

Сумасшедший переводчик играет на трубе в оркестре, который репетирует в заброшенной подводной лодке. Черные стены и узкие коридоры замыкают звук. Они собираются на подмерзшей пристани за заколоченными казармами. Кто из них шляпник, а кто – мартовский заяц? По тонким сходням забираются на борт и дальше в люк рубки, чтобы рассестись на раскладных стульях с провисающей на сиденьях тканью. Это узоры в цветочек. Молчаливые подводные дачники, они разворачивают ноты. Холодная вода вокруг, постанывающий катер протаскивает за собой полную досок баржу. Они начинают играть, обиженно выводя партии. Всегда опаздывающая балерина озабоченно вытанцовывает что-то на берегу, ловя доносящуюся мелодию. Она как угорелая носится в спортивном костюме и подпрыгивает. Рядом борт к борту стоят еще несколько позабытых подводных лодок. Их черные длинные туловища кажутся обглоданными. Сумасшедший переводчик фальшивит и, зная об этом, морщится, сплевывает, мигает. После окончания репетиции они выбирают по сходням на берег, там окоченевшая балерина натягивает на плечи платок и тянется к сумке, где внушительный пузатый термос с чаем и бутерброды. Раздаются первые, еще редкие шутки. У кого-то под плащом находится припасенная бутылка. Переводчик потирает руки и принимает от соседа кружку с чаем. Они пьют чай и по очереди глотают из бутылки, благодарно расхваливая раскрасневшуюся балерину. Ей наливают в отдельный стаканчик, и она выпивает смущенно и счастливо отворачиваясь от галдящих оркестрантов. К далекой автобусной остановке они идут вместе, уже в темноте.

ВАДИМ КЕЙЛИН

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

TERRA TRISTIA

i: гражданка дальше

улица восстания
пересекается с улицей некрасова
и заканчивается недалеко
от улицы чернышевского
революционная география

слоговое письмо пять по горизонтали десять букв
просодика не подходит не хватает буквы что делать
искать синонимы искать виноватых вызывать духов
скажем тезаурус чем не словарный демон
тео-завр божественный ящер онемелый страх
синонимы *sine anima* его бездушные дети
блин какая сука поставила лишний знак
кто виноват
что делать

улица некрасова
пересекается с улицей восстания
и заканчиваясь
переходит в восьмую советскую
эволюция мышления в историческом разрезе

на мосту сивая кобыла и сивый мерин
никому не верь никому здесь нельзя верить
ничего не трогай ничего здесь нельзя касаться
иначе сработает сигнализация
молчание золото потому его так хранят
под лай собак и трехэтажный мат
под скрежетом старых замков не знавших смазки

под кон-воём сирены через преданье огласке
под эгидой бреда обложенным ложью
хранят молчание
так надежней

улица некрасова
пересекается с улицей маяковского
которая раньше называлась надеждинской
и в этом нет решительно никаких подтекстов

ii: nachtigall. детская песенка

темная ночь
только форды свистят по степи
а может и не форды
может мелкая какая шушера
лежа в канаве темной ночью не очень и разглядишь
только по правую руку мелькают, проносятся огоньки фар
и по левую руку тоже мелькают, проносятся огоньки светлячков
а ты лежишь в этой канаве
промокший
несчастный
да к тому же еще и мертвый
и зачем спрашивается?

ты придешь домой убитым
поутру проснешься трупом
на кого ж ты нас оставил
признавайся твою мать

мы тебя тогда отправим
в решете да по болоту
пусть тебя возьмет трясины
твои кости обсосет

мы свою утопим память
мы свою потушим память
будто бы огонь и камень
будто камень и огонь

ведь трясина мягче пуха
и вода теплей чем небо
ну а мы пойдем повоем
будем горько причитать

ох какое горе какое горе
и шумит камыш что болото – море
и кулик ему вторит
что болото – мир
и что беды случаются лишь с людьми
потому что там, за границей болота – ад
а в болоте одна только благодать
и в трясине вязкой так сладко спать
и кормить траву
и трещит сорока
срываясь на ультразвук
чтоб ненароком
не выдать ужаснейшую из тайн
раньше в тихом омуте водились черти
теперь
не водится ни черта

темная ночь
канавы
лежит тело
которому снится что оно камыш
которому снится что он ракушка
которой снится что внутри у нее море
которому снится что у него нет берегов

наступает утро

ЯБЛОЧНЫЙ SPACE

кажется мы ехали через дождь
окна были зашторены
и этот монотонный шум
мог быть чем угодно
дождем
помехами в наушниках парня в полупустом купе
или же ветками
тонкими яблоневыми ветками
тихо звенящими
на ветру

когда я начинаю об этом задумываться
на ум приходит сравнение поезда с червем
яростно вгрызающимся в пространственно-временное яблоко
чтобы успеть выползти на поверхность
прежде чем ее коснутся губы женщины
и тогда женщина бросит яблоко
и останется в эдеме со своим мужчиной

три дня познания
но прежде мужчина откусил от яблока
но прежде женщина откусила от яблока
но прежде червь откусил от яблока
но и он не был первым

кажется ты спросил меня
что-то о времени
и пустоте
и шелестящих ветках
я не могу вспомнить
я всматривался в твои глаза
и видел
как где-то в их глубине мое отражение
превращалось в поезд
яростно стремящийся к поверхности

помню что ответил тебе
что проходил когда-то мимо сгоревшего деревенского дома
и обугленные ставни были так похожи на траурное покойницкое кружево
а еще рядом с домом росло дерево
пожар перекинулся на него
и его ветки были голы
за исключением одного
абсолютно черного
яблока

я не помню
видел ли детей
в тех местах

кажется ты рассмеялся
поезд опаздывал на двадцать минут

три глотка сотворения
а четвертый – вода
а пятый – ветер
а шестой – ласка

но и он не будет последним

ИРИНА МАКСИМОВА

(КАЛИНИНГРАД, РОССИЯ)

[СКАЗКА ДО]

Во сне было холодно, напряженно. Исчезали видения, уступали места быличкам, отстраненным, но близким; что-то родное: запах кофе, какие-то самовары, старик в светлых широких штанах сутился возле печки. Взволновал пояс с орнаментом из танцующих человечков. Они поднимали руки, оттопыривали ноги и смешно приседали; они улыбались, и от этого было смешно и мило. Кто-то внимательно посмотрел в глаза (старик?) и забрал пояс, проворчав: «Станишь тут деткай». И непонятно было – то ли «дедкой», то ли «деткой». Засмушалась, задумалась; неуютно спрятала губы в кулак, уменьшилась телом. Старик зыркнул и...

Вставать не могло. Сон лежал в комнате, снег на улице. Темно; зябко. Завтрак, сделанный вчера для вчерашнего завтра, разогрет, разложен в тарелки. Кофе? Чай – лимонная долька в сахаре. Движения медленны, сладки; тяжелы в сумраке.

Вчера о сороках, детях, бесах и обычном; до самого вечера, спящим не было слышно. Горячее вино с гвоздикой: моя кружка из глины, твоя из твейна. Горько – на губах. А дальше за – карты, гитары, шахматы. Спинной к нам. Уронил горящую спичку; неловко посмеялись, чтобы не так. Целых пятьдесят за сто!.. За замерзшие ноги, за скошенный стул.

Площадь пуста. Мы втроем греем руки; он похож на английского летчика, богослова*. Дети в себе идут по низким улицам, у девочек тонкие ноги, коленки и башмаки. Редкие люди улыбаются мимо, смеются не нам; мы над ними, глотаем коньяк. Кисло, вяленая рыба, головы вниз, под ноги.

Уехал домой, далеко; холод.

Пятница. Соседи чистят зубы: завтра наступит рано: дети. Я только нарезаю крабовые палочки, коту вкусно. Раздулся, лапы умильно; спит по-китайски. Лик луны в окно; поздно, смеешься, работаешь. Удивляешься рукам; я изучаю части предметов. Соседские дети смотрят на дырки в колготах; пальцы им улыбаются, играют. Фотоаппарат. «Зенит»; три кадра в остатке на завтра.

Ваня, не Вася; сосед. О котях может говорить долго, как Жанна о раковинах. Вокруг разведенные, дети где-то. Наверное, не помнят; кроме имени, кадров, запаха. Бесконечное поведение. Алкоголь. Руки в раковине, до блеска, до визга; отражаюсь в желтом. В постели не спишь; целую в ночь, мягко, легко, с тобой.

* «разве английские летчики / не лучшие богословы» – цитата из цикла стихов П.Настина [письма к королеве луизе]. (Прим. автора)

[...]

Вот стоят и кричат, галдят, лают, рычат, кусают...

И все о свободе.

Я не о политике, что вы!.. Я о некоторых вообще.

Они борются за свободу для себя, требуют прав курить и пить в подъездах, петь по ночам, высказывать свои мысли по любому поводу. А мне кажется, что, прежде чем получить право говорить, нужно доказать свое умение слушать. От тебя до меня. От меня до тебя.

Есть довольно много книг, в которых показывают, как выражает себя любовь и как воспользоваться ею, как обмануть. Ты знаешь, о ком я. Об этом мой «Профессор»; мне он не нравится. Я его упоминаю, чтобы сделать тебе приятное – я хочу, чтобы тебе было приятно. Потому что я тебя люблю. Скажи, почему курить в подъезде – это не свобода?

Ты не обязан отвечать.

...Потому что у Натальи Андреевны с четвертого этажа астма, а еще есть Валерия Александровна, у нее астмы нет, но она не любит табачного дыма.

– А я не люблю запах картошки с луком, которую она жарит почти каждый вечер.

Ей больше негде. Ей уже девяносто лет. Она ворчлива и невежлива. Она настолько полна, что похожа на большой торт. Она не пропустит тебя, когда идет по лестнице, от нее плохо пахнет – она скоро умрет. Я не знаю, как научить тебя любить именно ее. Ты, наверное, меня не понял.

...Любить не человека, любить чудо в нем.

[...]

Так хочется быть для тебя самым важным, чтобы мое настроение было важнее вкуса пива и цвета неба. Чего еще может желать человек, который слишком долго желает и потому перестал ждать. Нет сил, чтобы быть с тобой, и нет сил, чтобы быть без тебя.

Слишком пафосно – слишком умильно, слишком пошло и слишком изящно. Жаль, что смерть далеко – еще три сантиметра прожить по ладони. Встать на цыпочки и упасть от твоего пренебрежения устаревшими формами.

Старость. Я совсем старая, старая игрушка. Какой бы яркой я ни была, новая стоит дешевле – влюбленность в прозрачном бокале. Завтра наступило давно, я проспала, меня прогуляли.

А ты для меня – самая важная лимонная долька.

[...]

Чтобы писать тебе, надо быть в чем-то уверенной, правда?

Не то чтобы тебе, а чтобы писать вообще.

И стать лестницей от себя в поднебесье, чтобы забрался по мне, царапая ноготками – ты не любишь стричь ногти, правда, терпишь до последнего? Пока носки не станут рваться. А говоришь, ботинки неправильные, дешевые. Странно – когда я была маленькая, я думала, что дешевые – это правильные. Еще я думала, что кожа должна быть толстой, а тонкая – это непрочная, порвется быстро. И тут все наоборот. А ты ползи, ползи, мне приятно, а вовсе не больно.

И тут я замечаю, что тебе все равно, больно мне или нет, и сразу становится больно.

А ты уже тянешься руками, я смотрю в твои подмышки, там так глубоко, что голова у меня начинает кружиться. А ты уже так высоко по мне взобрался, что меня совсем не видишь уже, и голову к звездам задрал. Вот, думаю, не достанешь, и еще думаю – жаль мне, что не достанешь, или нет. И со стыдом понимаю, что не жаль, что хотелось бы, чтобы не достал, и радуюсь оттого, что звезды-то – они высоко.

А ты берешь их руками, разглядываешь, разговариваешь с ними, и они тебе на ушко шепчут что-то. Вот, думаю, какой ты, и приседаю, чтобы ты пониже стал, и легко мне стало, страшно легко.

Поднимаю голову кверху – а ты уже там, на небе, со звездочками разговариваешь, и никого тебе не надо, чтобы на землю опереться. Тогда я иду домой, в уголок, чтобы тебя не видеть, мне страшно жалко, что я тебя за ноги не удержала, может, с тобой поднялась бы. А еще понимаю, что мне туда – бесполезно, потому что языка звездного не знаю, только и слышу, что «шу-шу-шу» в небе.

[...]

Видишь – я обнаженная стою перед тобой, все мысли видно.

А есть и другие женщины – они обнаженные чувствуют себя одетыми.

А мне до сих пор снится, что меня кто-то видит, как я на окраине парка бегаю в поисках какой-нибудь ветоши, чтобы укрыться от их взглядов. Но они-то видят, заходят сюда пописать и просто так, а может быть, они меня именно ищут, хотя нет, у них тут назначена встреча.

А та, другая, с прямой спиной, подняла бы голову кверху, и все увидели бы, что она – в красном, и накинули бы какой-нибудь плащ ей на плечи, и повели бы ее под руку.

А ты все спрашиваешь меня, во что я верю.

[...]

генеральная уборка похожа на ремонт, и можно – я так думаю, что можно, – курить везде: и сидя на полу у жестяной мисочки, и ходить вокруг, примериваясь к потолкам, и подходить к ней, к мисочке, и иногда – задумавшись – терять его (пепел) там, где стоял задумавшись, оставляя пепельный след; и пыль на свету, и гулкий воздух от голых стен.

когда я убираю, я стараюсь представлять себя в такой клетчатой фланелевой рубашке и растянутых светлых джинсах; и маленькое такое черное, дребезжащее – ритуальное радио.

и вот я стою, и курю в законный дождь, смотрю в ночь, на грозу, на сферы света в темноте, сырости, своем отражении, и вижу, что город никуда не вырастает.

за спиной – разноцветные вещи, желтые на свету, и умца-умца.

и все никуда: ни руки, ни ноги.

и целый город еще впереди, и абсолютная пустота.

[...]

и вдруг – что-то поняв про это – сорваться с места, бежать по долгой извивающейся улице с выступающими кирпичами и фонарями – подленько так, из-за угла внезапно в лицо, и в результате, прорвавшись, увидеть тебя, и схватить за руку, и отвести в угол какого-то чердака; и там приставить свой лоб к твоему лбу и тебе:

– о боже, кажется, что здесь мы еще никому не нужны и, кажется, никогда не будем, – сказать, краснея и задыхаясь от бега.

и мы смешались, и трогали друг друга за плечи, и от страха рвали друг друга на части, вконец онемевшие.

и пахло чаем, и чьей-то шерстью, и мы ушли.

ДМИТРИЙ ЖЕРБИН

(ХЕЛЬСИНКИ, ФИНЛЯНДИЯ)

СЕРЫЙ РАЙОН

Часть первая

я опять сижу в этой дыре – уже вторую неделю пью чай без сахара. эта пластмассовая банка из-под йогурта – где должен быть сахар –

пуста. я трясусь-трясусь – там ничего нет. надо просто сходить в магазин – десять минут ходьбы. не по пути.

раньше я там часто бывал – жил недалеко. сейчас сижу за столом напротив окна. в своей комнате. из окна виден серый шестиэтажный дом. внизу серый бетон. чуть левее серая стоянка – там стоит один красного цвета автомобиль – но и он на самом деле серый.

чуть подальше виден еще один (обнадеживающий) дом. он серый. серое небо. серый воздух. серый район. наверно я и сам серый.

чтобы пройти к магазину – надо выйти из дома – повернуть налево и т.д. короче – и там все серое. иногда – летом – на деревьях бывают зеленые листья. сейчас их нет.

раньше – когда я жил ближе к магазину – я редко тут ходил. но на пути в магазин есть маленький промежуток – место – где мне приходилось бывать. это дорога от моего старого дома до станции электрички.

однажды там один парень – цыган лет десяти – попросил у меня сигарету.

– нету.

– точно нету? докажи!

– ни хрена нету! ни сигарет, ни денег, даже мобильного телефона нету, представь себе. даже ключей от квартиры с собой нету. проездной есть, хочешь посмотреть?

– а ты русский, что ли?

он, наверно, заметил мой акцент.

– да.

– и я тоже русский.

– да?

– то есть, наполовину русский. у меня мама из России. или из Белоруссии. что-то в этом роде. ты знаешь Хасу? то есть, Сашу.

– может быть. нет, вроде.

– пойдём сюда.

– нет, мне не по пути.

вот так мы расстались. можно было с ним еще пройтись. повстречаться с крутыми парнями. но – в конце концов – я опять в этом сером сне. где все серое. пытаюсь понять весь серый смысл этого серого района.

Часть вторая

Я проснулся и почувствовал легкий озноб. Здесь вовсе не холодно, озноб вызван сном. Я в парке, в центре города. Сейчас уже, наверно, часа три дня. Я всю ночь гулял! Поскольку я много не пил, самочувствие у меня прекрасное. Жара! Лето! Что может быть прекраснее? Зеленый парк, дети играют, подростки катаются на скейтах.

Часть моих друзей куда-то подевалась, но двое еще тут.

– Ну что, проснулся? – обратился ко мне Сергей.

– Да уж, как видишь. Что будем делать?

– Не знаю, по домам, наверное. Максу на работу надо.

– Мне все равно куда. Юлька вроде говорила, что в городе будет, позвоню ей, может.

Когда Сергей и Макс разошлись по своим делам, я позвонил Юле и договорился с ней о встрече.

Как все-таки прекрасно жить в этом городе. Идешь, еще полусонный, на встречу с любимой девушкой, разглядываешь красивые улицы, короче, просто наслаждаешься жизнью!

– Привет! – сказала Юля, когда увидела меня в условленном месте. Она только что освободилась от работы. Сегодня пятница, весь вечер впереди.

– Привет! Как дела? Может, сходим куда?

– Может, лучше вечером? Я очень устала, хочу отдохнуть несколько часиков.

– Хорошо, ну так как, что?

– Поехали ко мне домой.

И вот мы сели в электричку и отправились к ней домой, в очередной серый район. И мне совершенно все равно: в такой день, с такой девушкой все прекрасно!

ТАТЬЯНА ПЕРЦЕВА

(ХЕЛЬСИНКИ, ФИНЛЯНДИЯ)

ТРИ ИСТОРИИ

Понять «Бармаглота»

*’Twas brillig, and the slithy toves
Did giry and gimble in the wabe,
And mimsy were the burogoes,
And the mome raths outgrabe.*

*Lewis Carroll**

Джереми говорил о том, что его волнует. Разговор касался мечты.

– Ты знаешь, что такое мечта? – спрашивал он меня, размахивая руками, – ты представляешь, что такое мечта? Скажи мне, почему Бритни Спирс так богата? Ответь мне, – просил он меня.

– Я знаю, что такое мечта, но не знаю, почему Бритни Спирс так богата, – был мой ответ.

– Потому что! – закричал он. – Потому что Америка – огромная страна, и она платит деньги за шоу!

– Понятно, – сказала я.

– В Америке все большое: большие дороги, большие машины, большие дома, большие кровавые стейки. В Америке – океан и Калифорния! Там я родился!

– Я понимаю тебя.

* Здесь использованы отрывки из стихотворения Льюиса Кэрролла *Jabberwocky* и отрывки из перевода этого стихотворения «Бармаглот», который был сделан Диной Орловской. В декабре 1863 г. Кэрролл присутствовал на любительском спектакле «Альфред Великий». После спектакля вспомнили кэрролловы пародийные «Англосаксонские стансы», по тематике схожие со спектаклем. Все гости наперегонки начали сочинять стихи. Когда подошла очередь Кэрролла, он встал и с совершенно серьезным видом прочел именно первое четверостишие из стихотворения. Гости попросили его объяснить, и он объяснил каждое слово стихотворения. Вероятно, это была первая попытка ввести в язык несуществующие слова, подчиняющиеся, тем не менее, всем законам языка. Первое четверостишие целиком состоит из несуществующих слов, за исключением служебных. (Прим. автора)

– Как ты, русская, можешь здесь жить? Ты умрешь в этой маленькой холодной стране. Здесь нельзя делать бизнес, потому что из десяти тысяч евро у тебя остается три тысячи дохода, а остальное ты должен отдать государству. Это Финляндия! Здесь люди живут внутри, а не снаружи.

– Моя бабушка родилась в этой стране.

– Вот у вас, у русских, есть свет в глазах. Твой свет погаснет! Я видел много русских в Калифорнии. Русские люди – хорошие бизнесмены, потому что они очень удачливые и умеют рисковать. Тебе нужна большая страна, тебе нужно жить в Америке.

– У меня есть большая страна. Это Россия. А про Америку я ничего не знаю и никогда там не была.

– Но бизнес нужно делать в Америке, а жить лучше всего в Швейцарии.

– Но у меня нет никакого бизнеса, и я не собираюсь его делать.

– А как же мечта?

– Какая мечта?

– У каждого человека есть мечта.

– Согласна с тобой, она есть у каждого.

– Я родился в Америке и знаю, что, если у человека есть деньги, то он может купить большой дом, большую машину, его дети пойдут в самую престижную школу, его будут везде уважать. Деньги – это свобода! Свобода – это мечта.

– Это твоя мечта?

– Да.

– Два года назад я очень хотела услышать, как поет океан. Это была моя мечта.

– Твоя мечта сбудется, дай мне шанс, я о тебе позабочусь.

– Это было два года назад, а теперь я мечтаю понять стихотворение английского писателя Льюиса Кэррола.

– Как оно называется?

– «Джаббервокки».

– Что?

– Варкалось. Хливкие шорьки / Пырялись по наве, / И хрюкотали зелюки / Как мюмзики в мове*.

– Что?

– Чтобы понять «Бармаглота» его нужно читать, не думая о том, что значат слова. Слова могут вообще ничего не значить, нужно сразу думать о смысле.

– Я понимаю тебя.

* «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка» — модельная фраза русского языка, в которой все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков. Несмотря на это, общий смысл фразы понятен. Пример был предложен академиком Л. В. Щербой в 1930-е и использовался на вводных лекциях к курсу «Основы языкознания». (Прим. автора)

- Ты только так говоришь. Люди очень редко понимают друг друга.
- Я могу тебе чем-нибудь помочь?
- Спой мне это стихотворение. Я дам тебе текст.
- Но я не умею петь.
- Можно петь про себя.
- Давай продолжим разговор завтра.
- Давай. Только все люди и все страны похожи друг на друга, а еще на «Бармаглота» и *Jabberwocky*, поэтому, они разные. Я не хочу продолжать разговор завтра, мы закончим его сегодня.

...И больше они никогда не встречались.

Лимонный скальпель для психоаналитика

– Итак, пациенты, прибавьте к двадцати пяти шестьдесят три. Считаю в уме, ответы записывать не нужно.

Ну, Васенька, что у тебя получилось?

- Семь.
- Отличненько. А у тебя, Лена?
- Восемьдесят четыре.
- Хорошо!
- А у тебя, Юля?
- Восемьдесят восемь.
- Молодцы, ребятки! А теперь быстренько мне называем инструмент и цвет! Вася!
- Красный молоток!
- Лена!
- Черное пианино!
- Юленька!
- Синий напильник!
- Ну, Васенька, ты иди погуляй, а с девочками будем разбираться.

Лена, почему ты назвала черное пианино?

- Потому что вы попросили.
- А ты, Юля, почему назвала синий напильник?
- Потому что мне нравится синий цвет.
- А почему же напильник?
- Доктор, а я всегда хотела иметь прозрачный, синий напильник. Им, наверное, ногти обрабатывать удобно.
- Юленька, а какие ты видела напильники?

- Ну, какие... вытянутые такие. Ими точат или затачивают заусеницы на металле.
- А ты не могла бы объяснить, почему напильник должен быть прозрачным и синим?
- Красиво...
- Понятно. Леночка, ты сказала «пианино». Это музыкальный инструмент. А про рабочие инструменты ты не думала? Молоток, пила, тот же самый напильник?
- Нет, доктор. Инструмент – это святое.
- Девочки, я должен сказать, что причинно-следственные связи, которые являются основой логического мышления, у вас нарушены.
- Ничего страшного, доктор. Не вы первый, не вы последний нам это говорите. А можно задать Вам вопрос?
- Да, Юля, конечно.
- Иголка тонет в стакане с водой?
- Юленька, ну, иголка ведь железная, и удельный вес железа больше, чем удельный вес воды.
- Доктор, а я проводила опыт. Если иголку о-очень осторожно положить на поверхность воды, то она не утонет, потому что на поверхности жидкости есть пленка, и она удержит иголку.
- Да, Юленька? Надо попробовать.
- Доктор, а можно мне тоже задать вопрос?
- Да, Леночка, конечно.
- Почему Вы стали психоаналитиком?
- Ну... это долгая история.
- Расскажите.
- В детстве я разговаривал с собаками.
- Ой, как интересно! А я с кошками!
- Да, девочки, но причинно-следственные связи...
- Доктор, а вы сами проходили этот тест?
- Да.
- И что Вы сказали?
- Я?
- Да, Вы.
- Ну, мне представился лимонный скальпель.
- Доктор, а почему лимонный?
- Ну, удобно ведь. Прооперировал, ополоснул и съел.
- Извините, а Вы в детстве хорошо питались?
- Нет, не очень.
- Да, у меня мама тоже все время деликатесов хочет.
- Ладно девочки, Васеньку надо позвать, а то он устал, наверное, подслушивать. Вот, пусть он возьмет свой красный молоток и стукнет им по леночкиному пианино. Юленька

синим напильником удалит все заусеницы с клавиш, а я сыграю вам «Лунную сонату» и съем, наконец-то лимонный скальпель, которым мы в детстве резали собачек. А потом вешали их.

Весело было... да, весело.

– Доктор, а может Вам к психоаналитику сходить?

– Ходил уже – не помогает. До свидания, детки. Следующий сеанс завтра в 11.00. Попрошу никого не опаздывать.

Горе

Вам когда-нибудь снилось горе?

Живое Горе? – Я расскажу.

Это женщина маленького роста, в черных мужских ботинках, классических серых штанах, в куртке-дождевике синего цвета, до колен. Лица у нее нет. Вместо него – густо-синяя вязаная паранджа. Как будто шарф повесили на ворота капюшона. Капюшон, как деталь, всегда приписывают смерти. И Горе дружит со Смертью. Иногда они выпивают по чашечке кофе за круглым столом переговоров, деля мучеников.

– Отдай мне, – говорит Смерть.

А Горю жалко расставаться со своими любимыми игрушками.

В этом случае Смерть является в образе Ангела с белыми крыльями, потому что игрушки Горя всегда ждут прихода смерти, как самого большого, чистого и светлого образа в своей жизни.

И они не ошибаются. Смерть каждому покажет то, что он хочет увидеть.

Горе везет впереди себя пустую детскую коляску. В корзинке лежит пакет для продуктов. Маленькая женщина тихо идет по тоннелю. Ей некуда торопиться. Внутри тоннеля светят ярко-желтые фонари, нарисованные на каменных стенах. Свет их колеблется. Циферблат часов переталкивает минутную стрелку с одного деления на другое. Слышится тихий звон. По ком звонит циферблат?

Остальные тоннельные люди ничего не слышат. Они ждут поезда. Их поезд очень красив и похож на стрелу красно-белого цвета с автоматическими дверьми.

«Пш», – говорят двери и люди на несколько минут, часов, суток становятся частью целого. Это ненадолго. До следующего поезда, до следующей остановки.

От себя не уедешь, не убежишь, не спрячешься. Остается только заглянуть внутрь, в темную пустоту провалов памяти и рухнуть туда, не оглядываясь.

А потом в Игру вступают Его Величество Случай и Госпожа Удача. Они и решат, кто ты будешь таков:

царь,

царевич,
король,
королевич,
сапожник,
портной,
другое.

А Горе все идет и идет по тоннелю. Ему некуда торопиться. От края до края, туда и обратно, с детской коляской. Вывезло детские души на прогулку.

Вам когда-нибудь снилось Горе?

Я вижу его наяву, потому что почти каждый день жду свой поезд.

А оно идет и идет, идет и идет...

Ему спешить точно некуда.

ИАНА ЭФЕНДИА

(НАВА, ЭСТОНИЯ)

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

1. (end if)

вот мы выпили с инженером-электриком по пятьдесят коньяку
 глаза закрываются пятница длится и делать нечего
 у меня есть сердце раз болит оно в левом боку
 вообще во мне есть много чего человеческого
 только пятница длится крутится стул светится монитор
 неустребованное оседает тайное явной пылью
 вот мы выпили с инженером-электриком но все не то
 как если бы ехать в пыльтсамаа а попасть пыльва
 день отступает пятится пятница длится длится
 нечем заняться если только продлить коньячный заплыв
 в эту пятницу снова со мной ничего не случится
 в программировании по правилам каждый *if* заканчивается *end if*

2. (beautifully)

меня вчера остановила полиция
 подошли двое с неприятными лицами
 здравствуйте говорят почему не реагируете на сигналы
 а какие сигналы я ничего не видела и не знала
 думала мало ли едут куда по делам службы
 перестроилась в левый ряд мол дорога свободна а как было нужно
 а они говорят в другой раз будем стрелять по колесам
 документы давайте дала и начались вопросы
 почему техосмотр не пройден где штамп авторегистра
 нарушала ли правила раньше а ну отвечай быстро
 а я стояла скромно прикрыв попой на фюзеляже звезды

не нарушала клянусь и посмотрела серьезно
шарф мой летал серьги звенели волосы вились
полицейские присмотрелись и тут же в меня влюбились
ладно езжай не будем тебе биографию портить
и укатали прочь а я зашла в магазин купила портер
отключила нокию потому что звонки достали
и разверзлись такие бездны открылись такие дали
за окном надрывались звери про я ухожу красиво
а я красиво лежала пила пиво

3. (collapse)

переделала сеть закрепила провод подключила принтер
установила восьмой нетскейп тандерберд почтовый и антивирус
ну что им нейдет сегодня я словно спринтер
бегаю по этажам бледная и хрустящая как папирус
что происходит господи птицеголовый мой ра
там где была звезда черная лишь дыра

4. (heady)

буквы забили складываться в слова
бегают скачут неуловимые как кенгуру
а у меня так болит так болит так болит голова
напишите доктору Жозефу Игнасу если я вдруг умру
доктор это так больно этот цветок пророс
отныне во мне повсюду красные лепестки
была у садовника уксус и купорос
лишь приглушают запах его тоски
он хочет войны и свободы ему уже двадцать шесть
мне ли вам объяснять опасность мсье Гийотен
поторопитесь Жозеф пока он во мне весь
напевает бессмысленное *je t'aime je t'aime*
так болит голова доктор так болит голова
не кенгуру беснуются пляшет индийский слон
встретимся доктор на Пляс де Грев ровно в два
желаю лично передать Луизетте последний поклон

5.
(sweetheart)

вот сижу я вся в белом хоть в гроб клади
чисто невеста господня прости господи
снаружи меня разливается плещет разное ща
а внутри – все красное от борща
опустите мне веки руки стихи хи-хи
оттащите меня красивую в лопухи
и оставьте там и забудьте и божеж-мой
заберите ща ступайте себе домой
я записку оставила на холодильнике *bosch*:
разморозьте сердце мое болгарское сладкое
положите его в борщ

6.
(arrhythmia)

когда оно выйдет из берегов груди
я не сумею господи погоди
я не сумею произнести ни слова
так половодье в миг поглощает луг
слушай дружок это последний звук
звука живого

когда оно выйдет клетку мою взломав
станет неважно кто виноват кто прав
солono станет там где тебе было пресно
слушай дружок как страшно оно поет
как разлетается ребер последний лед
с треском

ЕВГЕНИЙ ПАЛАМАРЧУК

(КАЛИНИНГРАД, РОССИЯ)

[ПРОШЛОЕ]

Прошлое – оно как «усы» от катера,
которые не гаснут, а просто расходятся.
Поэтому, оглядываясь, каждый говорит:
– Посмотрите, какое великое прошлое!
И кидает окурки в струю.
А оно не великое, оно – широкое...

[ДЛЯ КАМЫ]

Ты быстрее своей
Прибалтийской внешности
Еще бы
Расти в больших городах
О которых я читал в книгах
Иногда бывая проездом
Там даже
Реклама чаще и цветней
Очень шумят машины
И грустит
Маяковский на гранитном лбу
Не найдя что искал
И забыв кого ждет

Каково там
В сердце огромной страны
Которая не знает меня?

[ДЛЯ МАРГО]

история повторяется
глядя на золотую полосу на серой стене
дизайнерская находка
слушаю вполуха скрип песка
под траками «Абрамсов»
а ведь в четырнадцатом году
все было совсем не так
рассуждаю вполголоса
о прелестях алкоголя
количестве объектов
порученных тебе
к облагораживанию
найди их истинные лица
спрятанные во глубине веков
укрытые за
отсутствием денег

шестнадцать журналов
с модными интерьерами
наверное они заменяют тебе
плюшевых медведей

за разговорами тянется время
мы смываем его чаем с наших век
я не пью кофе на ночь
только с утра
что начнется завтра к обеду
этот факт нас сближает
мы выжимаем остатки
вечера лимоном в чашки
стараясь не задеть
планы на будущее
неосторожными локтями

сегодня почти убито
почти забыто потеряно
сливаясь со стенами
освобожденными от бумажной одежды
ты смеешься
это модно
я улыбаюсь
в ответ сухими губами
понимающе

в этой стране
все сапожники без глаз

Кругосветные путешествия
Тоже бывают разными
В благодарность
Эйнштейну

Время машин
Пришло незаметно
Как неожиданная
Простуда
И ночью
Я вспоминаю
Что неплохо было бы
Прочистить ей клеммы
И выпить свежего масла.

[KINO]

Люди,
которые нас окружают,
похожи на русских
из голливудских фильмов.

Или на финнов –
из русских.

[OST]

Ость отца моего во мне
говорит: бей в кость.
Пересыпается в голове,
крепнет и строит мост.

От нагрудного знака,
османской гортани
дальше,
к римской плите.

Враки.
Если не с нами,
значит, не те.

ЭРИКА ДРУНГИТЕ

(ВИЛЬНЮС, ЛИТВА)

*...А мостик низок прыгать понапрасну.
Д. Бак*

Ветра с испугом чешут лабиринты
окаменевших улочек. И нету выхода
в старинном городе даже для крыс.
Фонтаны обмерли, скамейки парка
все глуше шепчутся, глотая горько
воспламеневшую листву.
А на другом конце,
одетый в форму школьную
со светлыми локонами тот ангел
в виде девочки на скрипке – *соль минор* –
голосовые связки превращает в тяжелейший
металл – свинец прохожим зажимает горла,
и музыка дрожит над урной опустевшей.
Тень плоскую в пруду рассматривает лебедь
и не решается поднять, и голову вниз опускает,
и утекая мутная вода, обводит круг девятый.
По мостику шаги, тупому отзвуку их внемлет,
повисшая над мертвою природой тишина.
И понапрасну прыгать – мостик низок.
И тщетно все озвучивать. Ноябрь.

заперта между зубами теперь моя боль
трещат кольца на пальцах и желчи вкус
дождь до земли не дошедший разрезанный вдоль
ждет – я не выдержу и обернусь

да уж, заилился первый завет роковой
недруг и друг догоняют тот самый ил
только ты знаешь что в силе закон – чей-то вой
в сердце без паузы и вновь набираешься сил

не обернуться на бывшее выдох зачтен
вдох – но и это скрипучая дверь на ветру
важность и четкость усилий – твой стон
времени точный крупье шепчет в ухо – беру

трещат кольца на пальцах и желчи вкус
выдох и вдох – мой ежеминутно меняемый «я»
что же вернее мой ангел – твой нежный укус
когда я над бездной нависну иль робость твоя?

ДЕКАБРЬ

Вот снег от рубежа до рубежа.
Вот необъятное *ничто* кристаллами застыло.
И сам себя в объятиях держа
Ты волчьи мантры унимаешь с тыла.

А в небе – воинство со всех сторон гремя,
Свои орудия лишь на ночь успокоит.
С икон проглянет вечная семья –
Три пары их очей тебя прикроют.

Ты ждешь. Звезда и короли. И Персефона.
На этом белом и звенящем фоне
Слова пророка уж сватают зыбко.
Любившим – прощено. В губах цветок улыбки.

мы же знаем – есть планы у Господа
и аккуратна Его бухгалтерия
во рту вертятся гласные в облике воздуха
а согласные тверже и жестче
согласись – разница чуть ощутима:
плач литовский или русский плач
неизбежно для всех есть *растаться* и *мочь*
согласись – то что в горле застряло
придется тебе проглотить все равно
что литовский плач и что русский
разница чуть ощутима под куполом
ясной прозрачной ночи – ведь придет
тот ребенок если уж послан
через женщину светом лунным облитую
через воду соленую что повторит
твои гены – таков Его выбор
ибо разница только в согласных –
тверже и жестче их произносишь
зубами скрепя *растаться* и *мочь*
а во рту моем гласные – может быть воздух
плач: что литовский
что русский

АРТУР ПУНТЕ

(РИГА, ЛАТВИЯ)

ГАСТАРБАЙТЕРЫ

Если допустить, что в этом городе мы оказались впервые, что нас здесь еще не признают за своих, и даже двери на фотоэлементах не всегда срабатывают при нашем приближении.

Если вспомнить, как совсем недавно, одетые морячками, потрепанные, как чертовы (забытые дома) записные книжки, мы ступили на предусмотрительный трап, чтобы, не смотря на косые взгляды (вздыхнувших с облегчением) попутчиков, впервые покинуть самолет (не уточняя высоту над уровнем моря), а потом долго не могли найти нужные адреса...

Если вспомнить, нас здесь никто не встречал, и даже диспетчер (или кто это говорит на весь аэропорт), объявила наш рейс, едва сдерживая смех, как будто ее (тем временем) щекотали мойщики окон...

Если рассказать, как потом наугад приближались мы к центру, стараясь не привлекать внимания, пряча в сумках трафареты (таковой, как мы считали, был тогда у каждого приличного человека), а в отношении вашего города мы носили определенные планы...

Как продвигались мы вдоль стен, пряча в сумках все те же трафареты, передавая эстафетные баллончики... теряя на ходу (бесчисленные) мелкие детали любимого детского конструктора...

Как подпрыгивали днем за спинами фотографирующихся туристов, чтобы попасть на их снимки (попасть на фотографии), которых мы никогда не увидим – и таких фотографий теперь уже существует немало.

Если вспомнить, как искренне мы были убеждены, что сможем заработать, став на несколько часов в день, огромными зайцами на детских праздниках или (столь же большими) поролоновыми хот-догами на привокзальной площади. А, по рассказам, кто-то из наших уже давал здесь уроки православной аэробики... И хотя (по истечении положенного срока) мы так и не научились отличать ваши нули от букв «О», а двери на фотоэлементах за всю историю вопроса... в общем (как уже говорилось), открывались неохотно, мы все же надеялись еще как-то зацепиться и уважали себя от этого не меньше...

Достаточно вспомнить, как мы встречались с людьми, которые могли быть полезны и все устроить, но там было так громко, что мы могли лишь снова и снова здороваться с ними, сдвигая длинные горлышки светлого пива (улыбаясь опять и опять), и как-то без слов стало ясно, что конкретных предложений, (по крайней мере, пока) у них для нас нет. Тем не менее, все надеются, что мы хорошо проведем время... И, знаешь, запомнилось, как ты вдруг сказал:

«Нет проблем! Спешка не в нашем стиле. Найдете нас позже на городском пляже, куда (в сопровождении стюардесс и писем из дома) мы отправляемся, чтобы запустить на прощанье воздушного змея... Двигайтесь на ориентир – оранжевый кот в синем небе. А если кто нуждается больше нашего, мы еще можем собрать по карманам пару сотен – вернете потом, когда будет такая возможность. Все равно, здешние монетки (по возвращении) сгодятся нам разве для закручивания небольшого размера винтиков».

COPYWRITER

Рядовой копирайтер сетевого агентства,
что ты видел при высадке нашего десанта из такси
когда на тебе два комплекта униформы
сменяют друг друга через отрезки уставного времени,
что ты мог видеть, послушным патроном ложась
в ствол этой улицы, нацеленной на окна последнего этажа,
где каждое утро бываешь запеленгован,
где тебя уже ждет черный телефон, витой такой провод,
длины которого могло бы вполне хватить...
Что ты видел на сезонных подходах к рыночным площадям
со всей своей агрессивной стратегией, когда
не бываешь дальше одного изнурительного марш-броска в день?
В наше мирное время слушают ли однополчане
эту твою команду? В конце концов,
известно ли рядовому копирайтеру сетевого агентства,
куда падает пуля после выстрела в воздух?
Куда падают наши пули после торжественного (в честь победы
или только ее годовщины) залпа в воздух?!
Но не ждите, что армейские справочники выдадут вам ответ,
остерегайтесь, говорю, веселого солдата,
остерегайтесь развязного солдата на побывке, остерегайтесь
меня, рядового копирайтера, весело постреливающего в эфир
или прозябающего в ожидании перечисления.
Что он (то есть я) выскажет единственным своим словом «дай»,
что видел на своем веку рядовой копирайтер срочной службы,
путешествующий разве что по страницам словаря синонимов,
по алфавитному указателю географического атласа,
где (в столбик) Австралия граничит у него с Австрией,
Даугавпилс с неким Даулатабадом, Гренада с Гренландией,
Гудермес и Гудзон, Коломбо с Коломной,
Ривьера, Рига и Рим (правда, в английском варианте это не так).
Что он после этого может знать, сетевой копирайтер рядового агентства
(или наоборот)? Чем вообще должна питаться
хоть какая-то уверенность в нем? Да что он вообще видел,
подорванный на корню, наш сослуживец, спросим мы снова!

Ну, может, видел однажды аварию, видел драку, видел, на улице кому-то плохо.

Вроде все правильно делал: спал головой на восток,
ездил порой на Запад, про опечатки сообщал в редакцию,
холодным ножом снял с себя всю изоляцию,
на Каменном мосту стоял без перчаток – слушал ваны,
прислонялся к опорам, молоточком простукивал связки,
во избежание недоразумений, позвонил на станцию –
напомнил администрации: сегодня полночь не забудьте
перевести стрелки (вокзальных часов) в направлении прибывающего паруса...
Показания соседей говорят, одной держался
«силой совместного (с кем?!) заблуждения».
Малейшего намека оказалось достаточно –
свое имя в списке заметил краем глаза, ударило и понесло,
ударило и понесло – быстрее, чем поезд из Эдинбурга на Глазго
(В этом узком месте Британский остров можно пересечь за день два раза).
Обвели простым карандашом, обыкновенной порезался бумагой,
повелся, признайся, повелся – повелся и повредился, весь изолгался,
ходишь мостами, повторяешься, чтобы как-то держаться ритма.
Один единственный звук пропал в общем гуле, а ты уже испугался.
Это надбровные дуги гудят на морозе, (с приближением состава)
пролет сообщает вибрацию – узору холодных конструкций, ломкому металлу...
Это что-то в составе крови, накопилось с водопроводной водой:
просыпаешься и часами ждешь, пока зазвенит будильник,
тушкой голубя в вентиляционной шахте. Простым прохожим
от дома отходишь, насколько хватает одной зарядки.

На всех мостах слегка помятый,
на всех мостах, с безумной скоростью стоишь,
обычным временем обветренный, на всех мостах.

Странные вещи бывают порой прикреплены
к оконным рамам фасадных домов,
ладно, кормушка, а то зеркало заднего вида,
даже целых два, корзинка или, представьте,
ржавый колокольчик – в окне четвертого этажа.
Я верю, всему есть свое объяснение,
так, буквально несколькими жестами удалось установить,
что этот парень приехал к нам из Пярну,
а эта девушка, например, полностью вышла из газеты
и впредь будет сидеть за кассовым аппаратом,
и все только потому, что на нем меньше клавиш...
Стоит ли и дальше прикидываться простым прохожим?
Сколько можно коситься на крыши,
шарахаться срывающихся капель?
Кому и зачем может понадобиться колокольчик
(вариант: зеркало заднего вида) в окне последнего этажа?
Существует ли прямая зависимость
между нарушениями речи и ростом переписки?
Отчего нищие больше не тянут к тебе свои культы?
Что здесь делают люди из твоего прошлого?
На чей счет принимать их легкие улыбки?
Кто в твое отсутствие позаботится,
чтобы баночки на кухне были полны: чай, кофе, сахар?
Что еще? В своей объяснительной
дать краткие ответы в удобной форме.

СВЕТЛАНА БОДРУНОВА

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

*** (ДНЕВНИК МАРИИ)

*Я хотела тебе сказать,
что альпийский раkitник в цвету,
и глицинии, и боярышник,
и ирисы тоже начинают цвести...
Тебе бы это понравилось.*

*Из дневника
Марии Скловдовской-Кюри*

...Был короткий дождь; в кабинете пахнет листвою,
и белем в тазу, и карболовой кислотой.
А вчера принесли письмо «для месье Кюри».
Я опять курю; перестань меня укорять,
я раскрыла окна – мне некому не доверять,
если ты стоишь у двери,
а с крыльца до садовой калитки бежать стремглав
ровно те же твои двенадцать, мои тринадцать шагов.
Опишу тебе, как живет, оживает сад,
каждый день возвращаясь, оборачиваясь назад,
вот послушай: альпийский раkitник опять в цвету,
и глицинии, и ирис уже разомкнул бутон,
ты бы сам все увидел, если бы ты был там –
как крыжовник юнеет и ветки кладет в траву,
и боярышник плачет красным, и терпко еще во рту
от зеленых яблок, которые не сорвать,
и земля раскрывается: из нее течет молоко, и хлеб
переламывается на два куска,
да, ты слышишь молочный всхлип, я пишу взахлеб,
но рука не бежит так быстро, и лампа жжет у виска.

А под яблонями прохладно, утренний вдох так свеж,
как вечерний, но только с листьев стекает свет,
о, тебе бы это понравилось, если бы ты был жив,
а мир оставался лжив,
но мы знаем правду, и правда в том, что тебя
нет, и даже легких следов не найти теперь
на промытом гравии, а только в той глубине,
где никто из нас никогда не будет вполне.
И из этих глубин, отделяясь от притолоки дверной,
ты выходишь в сад, чтоб собрать покой, как букет,
а в моем дневнике подгорает уже бекон,
потому что я засмотрелась, как тебя встречает левкой,
рододендрон кладет тебе голову на плечо,
вы стоите, обнявшись – человек и его цветок,
и подсолнух медленно крутит очередной виток,
и корням его в глубине земли горячо.
Если будут тебя искать под землей, найдут молоко
из моего стакана, и хлебные крошки, и жимолость на ветру.
Но никто пока не приходит и не просит тебя отдать.
Это наша с тобой неразрывная благодать.
Это дождь опять во дворе стучит по ведру
далеко-далеко.

*** (СЕСТРЕ)

это каждое утро, это долгие годы длится:
сколько мне, блин, под дверьми тут еще молиться,
алина, мне уходить, мне надо накраситься, выйди уже из ванной,
выйди из ванной, оторви свою задницу от дивана,
делай же что-нибудь, делай, так всю жизнь пролежишь без дела,
а она отвечает: поменьше бы ты... болтала,
больше бы делала; посмотри, я легко одета,
мои руки тонкие, кожа не просит еще апдейта,
я цвету, у меня нет глаз, чтоб учиться бояться мира,
покорми меня, я голодная, если ты меня не кормила;
не ругайся, не измывайся, я умру от твоих ироний,
кто ты есть, чтобы знать и судить о моей трехгрошовой роли,
да, ты каждое утро ждешь меня возле ванной,
но я та, которая не предаст тебя целованьем,
подожди, пять минут не время, не рвись – сорвешься,
раньше выйдешь и раньше судьбе своей попадешься,
не оставь меня, не кричи на меня, дура, дура,
я с рожденья по части силы тебе продула,
я одно могу: я тебя бесконечно тоньше,
вот, я вышла к тебе, я люблю тебя, я люблю тебя. – я тебя тоже.

ЯШКА ГРОМОВА

(НАРВА, ЭСТОНИЯ)

ОСЕННЕЕ

Мне не нравится осень. Промозглая яркая осень.
С оголенными ветками и полусгнившей травой.
Мне не нравится низкое, будто свинцовое небо.
И взгляды прохожих с их липкой осенней тоской.
Мне не нравится осень за то, что ей нравится нравиться:
Золотистой агонией листьев в дорожной пыли.
Морозящим дождем. Предвкушением снега и праздников.
Мне не нравится запах холодной, осенней земли.
Я его не люблю... Это рыжее яркое марево,
Нанесенное солнцем скупым на осенний картон.
Мне не нравится осень. Мне осень ни капли не нравится.
...не люблю я ее красоты нерасцветший бутон.

ДЕТСКОЕ

Голодными ртами уставились в небо
цветы на багровой от солнца аллее.
Вцепившись в их белые тонкие стебли,
лежу на траве и тобою болею.
Мне трудно дышать, я сгораю от бреда.
И знаю, что это, увы, не смертельно.
Мне кажется я слишком часто болею,
...такие болезни сражают прицельно...
Глазами ребенка огромное небо
Смеется моим недостроенным мыслям.
...Лежу на траве и тобою болею.
...Внутри так тревожно, так пусто и чисто.
Томясь в лихорадке сомнений и страхов,
Ломаю привычки... От нежности млея,
Голодными ртами уставились в небо
Цветы на багровой от солнца аллее.

ПОЛИНА КОПЫЛОВА

(ХЕЛЬСИНКИ, ФИНЛЯНДИЯ)

ТОТЕМ

Решительно не помню, когда я впервые спросила, откуда я взялась. Все почему-то помнят и описывают смущение родителей, мямлящих байку про аиста... Я – не помню. Но уже годам к четырем я совершенно точно знала (а, стало быть, мне это сказали уверенно и безо всякого смущения, вероятно, бабуля), что до рождения я была лягушкой.

Меня это совершенно не коробило: во-первых, лягушки из мультиков были всегда героями положительными, во-вторых, можно было однажды превратиться в царевну, в-третьих, живые лягушки казались мне существами очень красивыми, и я не прочь была бы держать их дома, если бы не запрет на животных вообще (бабушка: «животные должны жить в естественной среде!»).

Лягушек люблю до сих пор.

Однажды, правда, согрешила и попробовала в ресторане лягушачьи лапки. Они мало отличались по вкусу от куриных грудок, которые я терпеть не могу.

Впрочем, в некоторых племенах инициация включает поедание тотема: будем считать, что я из такого племени.

МОДНАЯ БОЛЕЗНЬ

В нашей семье много говорили о болезнях – особенно бабушка (недоучившаяся медсестра) и тетя – медсестра по профессии. Больше всего запомнилось словосочетание «модная болезнь», в связи с которой то одну, то другую бабушкину подругу оперировали. Результатом операции всегда было «удаление».

Однако с самого раннего детства меня учили, что о чужих болезнях спрашивать невежливо. И что если я замечу у чужого человека пятно на лице, отсутствие руки или ноги, или под носом шишку, то спросить об этом можно только у мамы / бабушки / тети тогда, когда больной человек отойдет, да и то шепотом – если мы, конечно, не дома. Дома можно и вслух.

У нас имелось что-то вроде дачи – комната с выгороженной собственной кухней в коммунальном доме. Через дорогу была баня, которую мы посещали регулярно. В бане обыч-

но сразу занималась просторная душевая, где все семейство и мылось. На окружающих (в бане всегда было людно) я внимания не обращала – вода в шайке привлекала меня куда больше. Но как-то, подняв глаза от воды, я обнаружила в душевой напротив молодую женщину и мальчика моих примерно лет (мне было четыре). И между ног у него болталось что-то некрасивое вроде сосиски. А поскольку ни у меня, ни у мамы, ни у бабушки, ни у тети, которая была в тот раз со мной в бане – а про них я заведомо знала, что они здоровы – ничего подобного не болталось, то я немедленно решила, что у мальчика – болезнь. Та самая. Модная.

О болезнях спрашивать нельзя. Однако в бане шумели штук десять душей, ни мальчик, ни его мама не обращали на меня внимания, а рядом была тетя-медсестра. И я решила, что если я тихо-тихо задам ей на ухо жгуче занимающий меня вопрос, то меня никто не услышит. Но меня не услышала и сама тетя. И мне пришлось довольно громко повторить: «А что это у мальчика болтается? Это „модная болезнь“?»

Тетя страшно засмушалась, и велела мне вообще не смотреть в сторону мальчика, подтвердив мое подозрение, что у него – самая что ни на есть модная болезнь, и ему скоро придется делать операцию по удалению.

ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА

Однажды у меня сломалась лопатка. Красная, с длинной ручкой, ГДРовская лопатка, которой зимой копают снег (на лето, как известно, полагается совок).

Поскольку без лопатки на прогулке делать ну совершенно нечего, купить новую надо было немедленно; этого не оспаривала даже бабушка, тем более, что лопатка, по ее мнению, была «дельной» игрушкой, в отличие, скажем, от игрушек мягких; по «дельности» лопатку превосходили только магнитные мозаики и настольные викторины.

Не помню, бывала ли я до этого в игрушечном магазине. Впрочем, 4-летнего ребенка каждое посещение потрясает заново.

И вот мы там. И – удача – по ту сторону прилавка ярко краснеет новая лопатка, которая через пять минут станет «моей новой лопаткой».

Наверное, мы все же ходили в игрушечный раньше; я отчетливо знаю, что, кроме лопатки, мне ничего больше не светит – и никакое нытье не поможет (вообще, нытье я считала неприличным и плакала крайне редко). У меня куча игрушек, но я не помню, чтобы хоть одну покупали при мне. Поэтому у меня довольно смутное представление о том, как вообще «покупают». Из шуршания бумажками у кассы я улавливаю только то, что маме какую-то бумажку ДАЮТ, и уже с ней она идет к прилавку забирать лопатку. Делаю вывод: в кассе ПОЛУЧАЮТ... деньги, наверное, чтобы потом отдать продавцу.

На выходе из магазина спрашиваю у мамы. Оказывается, я все перепутала: это она ПЛАТИТ деньги, ей ПРОБИВАЮТ чек, и только потом по чеку можно забирать лопатку. По дороге домой говорим о деньгах; мама объясняет, что их ЗАРАБАТЫВАЮТ. И уже едва ли не дома произносит фразу: «Когда будет коммунизм, деньги в магазинах будут не нужны. Все будет бесплатно».

В этом же магазине на самой высокой полке стояла моя тогдашняя мечта – огромный олимпийский мишка. Мне его так и не купили: вместо этого мама связала крючком олимпийский пояс с пятью кольцами тому медведю, который у меня уже был.

Но мне долго представлялось, как я в первый день коммунизма приду в магазин, серьезно попрошу у продавщицы – «а можно мне, пожалуйста, олимпийского медведя», – и гордо пойду с ним по улице.

Коммунизма я ждала до 8 лет.

СИРОТА КАЗАНСКАЯ

Моя бабушка по папиной линии – классический мизантроп. Ее любимая фраза: «Нет животного хуже человека». Когда мне было лет шесть, бабушка начала намекать (впрочем, весьма прозрачно), что моя мать хотела «сдать» меня в детдом. Эти намеки не повергли меня в ужас и не вызвали громких воплей. Одна мамина неблизкая родственница, глупая и незамужняя студентка, чуть было не поступила так, «залетев» по пьяному делу, и случай этот активно обсуждался в моей семье. Так что я принимала бабушкину информацию к размышлению. Размышляла же я о том, чем я могла быть настолько плоха, что мама хотела от меня отделаться, будучи замужем? Мне не приходило в голову никакой другой причины, кроме болезни – та же бабушка то и дело повторяла, что я маленькая была «глазки шелками – вылитый Даун». А болезнь Дауна в моем представлении стояла на одной ступени с «модной болезнью», то есть была почти – или даже вовсе – неизлечима, и, стало быть, являлась достаточным основанием для отказа. Но на каком-нибудь самом последнем обследовании врачи определили, что я вовсе не «даун», а просто у меня диатез, и поэтому отекают веки, так что «сдавать» меня не стали. В это же время до меня стали доноситься отголоски слухов о грандиозном скандале, случившемся при моем рождении... Словом, я решила для себя, что дело это – прошлое, но когда-нибудь я спрошу маму об этом.

Когда-нибудь – оказалось приятным мартовским днем. Мне было 11 лет. Мы с мамой гуляли по парку, когда бабушкины намеки всплыли у меня в голове, и я поинтересовалась:

– Мам, а ты правда хотела от меня отказаться?

Моя спортивная мама чуть не поскользнулась на основательно пропесоченной дорожке. Затем она, кажется, спросила, кто мне такое сказал, хотя, наверное, и сама уже догадалась, кто. Затем последовало объяснение: «Ну, ты же знаешь, что у бабушки своеобразное

чувство юмора». Однако, видимо, случилось и еще одно объяснение – между мамой и бабушкой. Оно срикошетило по мне на следующий день, когда бабуля заявила, что далеко не все наши с ней беседы должны становиться достоянием маминых ушей.

Я очень надеюсь, что мизантропия не передается генетически...

ПЕРВАЯ РЮМКА

Мой дед по матери был женат во второй раз (родная бабушка умерла – астма). Эрзац-бабушка была женщиной со связями – не то, чтобы на высоком уровне, однако достаточными для того, чтобы наполнить холодильник красной рыбой, копченой колбасой, банками венгерских консервов... Ну, вы понимаете. Она считала себя потомственной интеллигенткой польских кровей, и обожала устраивать обеды. У нас дома готовили неважно. Моя родная бабушка была большой поклонницей Амосова, и считала, что полезно только невкусное. Поэтому визиты к эрзац-бабушке превращались в праздник живота. Я не наедалась, я обжиралась до состояния легкой тошноты, и частенько отлеживалась до чая, чтобы желудок не протестовал против торта.

Помимо спиртных напитков, на стол всегда выставляли «запивку» в большом графине – для детей и малопьющих вроде моей мамы.

И вот на очередной обеду я стала искать глазами привычный большой графин... А его на столе не оказалось.

Я была стеснительной девочкой. А момент для того, чтобы спросить, где «запивка», все не представлялся – гости выпили и говорили все разом. И вдруг я обнаружила ее у самого моего локтя – только не в большом графине, а в маленьком. Еще два таких же графинчика торчали в разных углах стола. А, правда, что: гостей много, и чем передавать по кругу тяжеленный трехлитровый хрусталь, не лучше ли разлить «запивку» в сосуды поменьше. И я радостно набулькала себе полный стакан темно-красной жидкости.

«Запивка» оказалась гуще и слаще обычного. Но очень вкусная, очень. Под салатик с орехами и черносливом, с крабами и яйцом, под винегрет и селедки под «шубой», под неизменный, но как-то хитро заправленный оливье, под буженину, карбонат и ту самую колбасу, наконец, под судака с картошкой я выпила полграфина. Желудок приятно отяжелел и потеплел, и я решила посидеть в сторонке.

С ногами сделалось что-то странное. Они стали раза в три тяжелее, и одновременно мягче. Я ощущала себя большой меховой игрушкой. Подумав, что в очередной раз переела, я уместилась на диване, и меня даже стало клонить ко сну... Как вдруг из-за стола долетел возглас: «Ой, а кто это всю смородиновую настойку выпил?» И я отчетливо подумала: лучше промолчать.

Мне тогда было лет тринадцать.

МЕЧТА

Это была Мечта. Нет, вы не понимаете – МЕЧТА. Я такого нигде не видела. Я его придумала сама.

Мягкий,
белый,
рельефной вязки,
с широким рукавом «летучая мышь» на узкой-узкой длинной манжете – свитер.

Шел 1991 год. Не было ничего, кроме денег. Да и те ни на что не годились. Поэтому школьников за границу катали по безвалютному обмену: это когда принимающая сторона платит за все по безналу, а юные российские гости, как в известной (тех же лет) юмореске – «по магазинам, по магазинам, и все без денег». В нашем случае – без франков, потому что по обмену нас повезли в Париж. Впрочем, милейшие хозяйки, мать и дочь, польки с итальянской фамилией Сапетто (в свое время чиновник из Полицейского департамента польское прописное «л-твердое» (ł) принял за «t»), ссудили мне триста этих самых франков; дали бы и больше, но мадам Илона Сапетто была профессиональной безработной. Еще триста мне полагались из фондов лица имени Габриеля Форе, который нас принимал; надо ли говорить, что по приезде вся семья была одарена на эти 600... Ну да речь не о том.

В Париж я приехала в курточке, сшитой по выкройкам «Бурды» из вельвета, который был куплен в год моего рождения, и с двумя тощими болгарскими рюкзачками.

Мадам Илона Сапетто прекрасно знала, что такое дефицит. Ее дочь Дина не имела о нем ни малейшего представления, зато у нее было доброе сердце и три шкафа одежды. Мать и дочь водили дружбу с хозяйками бутиков и моделями, поэтому модный неликвид скупали по бросовым ценам, руководствуясь принципом «а вдруг пригодится». Много не пригодились. Если уж так, они могли бы держать прилавок на блошином рынке, но им, шляхтинкам, это было зазорно. И вот они решили отдать все это мне. Безвозмездно. То есть даром.

На кожаный диван в «салоне» полетели юбки мини, миди и макси, брючки, блузки, волазочки, топы, блейзера, суперстильная, из «тертой джинсы» (не путать с «варенкой»!), курточка а-ля Наполеон.

Я держалась. Как можно! А гордость? А национальное самосознание?

И тут принесли Его. Нет, вы не понимаете – ЕГО!

Совершенно такой.

Мягкий.

Белый.

Рельефной вязки.

С широким рукавом на узкой-узкой длинной манжете.

Свитер.

И я поняла, что если я Его не возьму, я буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Но коль уж я брала Его, то было бы просто хамством не взять все остальное.

Автобус в аэропорт ждал нас у ворот лицея имени Габриеля Форе. Два или три дня перед отъездом мои одноклассники только и хвастались тем, кому-сколько-чего подарили. Два свитера. Два свитера и три футболки. Сто франков. Куртку.

Я появилась у автобуса чуть ли не последней; мои болгарские рюкзаки безбожно тянули руки и расплзались по швам, а следом за мной мадам и мадемуазель Сапетто тащили за две ручки громадную клетчатую пластиковую сумку, которая почти потеряла форму под напором набитых в нее вещей. Всего через год такие сумки станут символом челночной торговли; однако моя, наверное, была в России одной из первых – и содержимое ее для продажи не предназначалось.

Еще никто не успел забраться в автобус. Я шла и слушала, как отпадающие челюсти моих одноклассников звонко стучат об асфальт.

Не думайте обо мне плохо. В свои пятнадцать лет я прочитала книг раза в три больше, чем те же самые одноклассники. Но не духом же единым жив человек.

СКРОМНОСТЬ

В классе у меня была тезка – юная поэтесса. Можно сказать, вундеркинд. У нее была очень энергичная пожилая рыжеволосая мама, работавшая в издательской сфере, поэтому дочка с дошкольного возраста читала Цветаеву, Ахматову и даже запретного Бродского. Еще в советские времена мама отлично знала, что такое пиар: машинописные распечатки поэм ее дочери лежали на столах у всех учителей-«гуманитариев». А в дни школьных торжеств поэтесса читала их неподражаемым грудным голосом. В стихах никто ничего не понимал. Но все хлопали.

Между тем, я тоже писала стихи. Поскольку из поэзии я ЧИТАЛА только Пушкина и Лермонтова (дома имелись шеститомники), стихи были соответственные: в рифму, понятные и плохие, потому что рифма подбиралась далеко не всегда, а для складности (слово «размер» я тогда не знала) приходилось напихивать в строку частиц и предлогов.

При этом я увлекалась биологией.

Однако годам к 15 биология как-то вдруг уступила место литературе, кроме Пушкина и Лермонтова я стала ЧИТАТЬ Блока, а по телевизору начали много показывать Бродского, так что я отчетливо уяснила себе: стихи должны быть непонятными. Чем непонятнее, тем лучше. Поэтому на прослушивание в поэтическую студию я принесла два стихотворения, которые не вполне понимала сама. Третьим был длинный и на редкость для меня складный текст про 19 августа 1991 года (дело было после путча).

Меня приняли. Я даже оказалась одной из самых перспективных. И поэтому со мной записали передачу на радио.

Разумеется, в школе об этом никто не знал.

Кроме Нигрэ, «англичанки».

Англичанка Нина Григорьевна была ехидная и строгая дама с пронзительным взглядом и пронзительным голосом; она одинаково «сильно» давала разговорную речь и грамматику. Я ее уважала. Она меня, кажется, тоже. Нет, я ей ничего заранее не рассказывала. Просто однажды на перемене она поймала меня за рукав:

– Я твои стихи слышала по радио! А почему ты никому не сказала, что будешь выступать?!

И тут я не выдержала.

– Ну, я же не Полина Б., чтобы всем хвастаться!

Англичанка захохотала на всю рекреацию.

Я не знаю, как изменилось ее отношение ко мне. Но самоуважения у меня точно прибавилось.

Впрочем, у тетки к тому времени вышла уже вторая книжка.

Она на самом деле талантливый поэт.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Начало моего студенчества пришлось на 1993 год. Кто не помнит: тогда было все, кроме денег. На стипендию можно было купить две или три помады. Или полторы стильных заколки. Или раз десять попить кофе с подмокшим эклером в «гаднике». Но жить стало гораздо веселее, гораздо.

В институте не топили. Поэтому на большом перерыве мы шлялись по улицам: все лучше, чем мерзнуть, сидя в коридоре или аудитории. Если на улице было совсем промозгло, мы забегали погреться во Владимирскую церковь.

Владимирская была очень популярным храмом с густо зацелованными иконами угодников, с парой лавочек для вовсе немощных прихожанок и двумя большими ЛАВКАМИ у входа, где нелюбезные тетki в платках продавали свечки, крестики, образки и прочие предметы религиозной необходимости...

Не помню, что был за день – то ли канун какого праздника, то ли квартплату в очередной раз подняли – но у свечной ЛАВКИ клубилась очередь из старух, а мы с подружкой стояли в сторонке, грелись и шепотом сплетничали. Еще у нас была с собой водка «Курант» в жестяной баночке, но в церкви мы ее, понятно, не открывали – берегли для лекций: высиживать их «без подогрева» становилось все труднее.

И вдруг из очереди донесся вопль: «Куда вы лезете??!»

Расшвыривая старух, к прилавку рвался крепкий дядька в моряцкой фуражке, он тряс красной корочкой, и орал: «Я ветер-р-р-ран-речник, я пр-р-р-раво имею без очереди, я пятьдесят лет это право зарабатывал, тра-та-та-та-так вашу мать!»

И таки добился. Пошел ставить свечку – Николе, надо думать, Угоднику.

Но мы этого уже не видели. Мы ржали.

ЗЕМЛЯ СЛУХОМ...

Наш творческий факультет, разумеется, был полон слухов о том, кто где, на ком, сколько и когда разбежался. А вот про нас с подругой говорили мало. Нам было обидно. И мы решили поправить дело, а заодно провести маленький социологический эксперимент.

Мы позвонили по одиночке самому большому в нашей группе сплетнику Сергею Сергеевичу, и наговорили ему друг на друга, что: одна из нас (подруга) валютная проститутка, а другая (я) – бисексуалка, которая тянет деньги с любовника-иностранца, чтобы тратить на возлюбленную. Сергей Сергеевич сделал вид, что не поверил. Но количество странных взглядов в последующие дни подтвердило обратное. Выждав пару месяцев, мы стали «собирать хвосты». За это время сокурсники успели нас «поженить», превратить в наркоманок, приписать в содержанки к «тамбовцам», счесть полными идиотками – в общем, мы здорово повеселились.

Последний «хвост» был «подобран» мною в разговоре с мастером курса больше года спустя после проведения эксперимента.

САМОЗВАНКА

1.

Я стояла на лестничной площадке третьего этажа телецентра (там можно было облокотиться на перила), и ждала мастера курса, когда ко мне подошел диктор Быков. Диктор Быков – ветеран ленинградского телевидения: в его морщины навек въелся бежевый грим отечественного производства (таким же «убирают» и покойников). По его глазам я поняла: сейчас подкатит. И точно:

«Девушка, а как вас зовут?»

«Полина» – отвечаю я, мысленно готовясь к необязывающему флирту.

И точно:

«А что вы здесь делаете?»

«Я учусь на тележурналиста, а здесь жду мастера курса».

Но следующий вопрос повергает меня в недоумение:

«А фамилия ваша как?»

«Копылова», – честно признаюсь я, хотя признаваться не в чем: фамилия как фамилия.

«Ой, так вы дочка нашей Копыловой!» – по родственному радуется Быков.

???

«Нет», – говорю я, и только потом вспоминаю, что да, точно, есть такой теоретик телевидения – Розалия Копылова, и я даже читала ее книги.

«Тогда, значит, вы дочка оперного певца Копылова?» – продолжает выяснять подноготную Быков. Мне становится весело.

«Нет!»

Быков на секунду «подвисает» не хуже иного компьютера.

«Ну, тогда, у вас, наверное, очень крутой папа, если вы учитесь на ТЕЛЕжурналиста...» – выдает он. Точно с таким же выражением в лице и голосе он объявлял о падении ГКЧП.

«Нет!!!» – чуть ли не хохочу я.

Диктор Быков качает головой, и уходит...

2.

Я на летней практике в самой престижной «редакции», где делают еженедельный развлекательный «канал» (а по сути – часовую передачу) «Оранжевый-ТВ». Практикант на российском телевидении есть фигура чисто условная: его даже не посылают за водкой – считается, что если он хочет работать на телевидении, то должен найти себе применение сам. Однако если сценарием пятиминутного сюжета занимаются два взрослых дяди и одна тетя, секретарша за компьютером раскладывает пасьянс, а операторы за стенкой играют в бильярд с техниками – то и свободный стул отыскать есть большая творческая удача.

В тот день я была настолько творчески удачлива, что умудрилась не только найти стул, но и пристроиться на углу секретаршина стола с тетрадкой, куда стала записывать материалы для будущего отчета о практике. Само собой, записывались в основном впечатления от окружающей обстановки. Наконец, пасьянс у секретарши сошелся, и она решила поговорить.

«Слушай, а ты как сюда на практику попала?»

«Так я же учусь на тележурналиста в СПИКИТе».

«А-а. А кто у тебя на телевидении?»

«В смысле?»

«Ну, знакомые, родственники?»

«Никого...»

«А... а... А как ты тогда попала в этот институт?»

Вот и я теперь думаю – как?

ПО ПАРИЖУ, ПО ПАРИЖУ

1.

После Рождества, перед Новым годом, в Париже – суший «содом»: витрины пестрят половинными скидками, все мечутся в поисках новинок и новогодних подарков. С моей подругой и ее молодым человеком идем покупать подарки какому-то пока еще незнакомому мне общему другу, который пригласил нас к себе на Новый год. К моему удивлению, тридцатилетнему другу целыми пачками покупают уцененные комиксы. И вот у кассы, когда чеки пробиты, выясняется, что подруга и ее молодой человек не обговорили «денежный вопрос» – то есть, попросту, не разделили расходы. В результате молодой человек, конечно, оплачивает покупки, но тут же, «не отходя от кассы», и не стесняясь моего присутствия, парочка начинает яростно ссориться. Я молчу. Ссора продолжается. Я молчу и потихоньку повышаю самооценку: мол, вот я бы никогда не стала так себя вести! Ссора продолжается. Я стою, вежливо полуотвернувшись, и прямо-таки упиваюсь собственной воспитанностью... Как вдруг молодой человек с каким-то резким восклицанием – не то, что покидает нас или уходит – а просто-таки «отваливает» и мгновенно теряется в толпе, оставив нас посреди магазина с увесистым подарочным свертком. Моя подруга Дина готова заплакать, но при мне ей уж совсем неловко. И тогда она говорит: «У Бруно грипп, он сегодня весь день себя плохо чувствовал... Надо идти за ним». И мы пошли, а очень скоро и побежали в кафельных лабиринтах станции «Шатле», чуть ли не перепрыгивая с одной бегущей дорожки на другую.

Вот так единственный раз в своей жизни я бегала за чужим молодым человеком. Да еще и по Парижу.

2.

Само собой, нам так и не удалось его догнать. И тогда Дина приняла решение: «Поехали к его дому и позвоним из автомата рядом». Конечно, я с большим удовольствием поехала бы домой к Дине, тем более что там наверняка уже был готов ужин, но подругу надо поддержать.

И Дина, и Бруно живут в Китайском квартале. Структура у квартала поперечно-полосатая: «приличные» улицы с лавками и ресторанами чередуются с темными подозрительными проулками. Бруно жил на типичной «бэкстрит», где все жалюзи первого этажа были разрисованы нечитаемыми граффити, а фонари светили не оранжевым, а мертвенно-белесым светом. Под одним из фонарей стояла телефонная будка. Места для двоих в ней не было, поэтому мне пришлось остаться снаружи.

Между тем, улица жила своей жизнью: время от времени по ней проезжали машины с затемненными стеклами. Спустя минут двадцать мне стало казаться, что они слегка

подтормаживают возле фонаря. Еще через минуту я сообразила, что моя короткая искусственная шуба в бледном фонарном свете, да из-за темных стекол неотличима от настоящей норковой; что джинсы на мне слишком обтягивающие, что... Словом, я занервничала. А Дина продолжала говорить. Я попыталась спрятаться за будкой, но, как назло, она стояла на углу, из-за которого и выезжали машины.

Когда очередная машина подтормозила как-то уж особенно выразительно, я не выдержала и постучала по стеклу будки монеткой, изображая, что стою в очередь позвонить. К счастью, получаса Дине хватило, чтобы помириться и мы даже были приглашены подняться к Бруно в квартиру – попить соку и полазить по Интернету.

ИГОРЬ БЕЛОВ

(КАЛИНИНГРАД, РОССИЯ)

Как зашагает музыка по трупам,
шарахнув в развороченный висок,
мы выйдем в вестибюль ночного клуба,
где прошлое меня сбивает с ног.

Вот наша жизнь, сошедшая с экрана,
в которой мы в правах поражены.
Мы пьем живую воду из-под крана,
и белоснежный кафель тишины

целует в лоб мелодия любая,
и, зная, что не выручит никто,
плывет на выход, кровью заливая
борта демисезонного пальто.

Но в парке божьем хлопает калитка,
под каблуком земля поет с листа,
поскольку на еще живую нитку
заштопаны холодные уста

такой убойной стихотворной строчкой,
что до сих пор, имея бледный вид,
пропитанная водкой оболочка
над аккуратной пропастью стоит,

и все никак не делает ни шагу,
пока из лампы хлещет свет дневной,
и врач уставший ампулу, как шпагу,
ломает у меня над головой.

От сквера, где одни скульптуры,
до всяких окружных дорог
за мной присматривает хмуро
из гипса вылепленный бог.

Он видит – у ее подъезда,
с красивым яблоком в руке,
я словно вглядываюсь в бездну,
в дверном запутавшись замке.

Выходят Гектор с Менелаем,
катастрофически бледны,
в морозный воздух выдыхая
молитву идолу войны.

Пока прекрасная Елена,
болея, кашляет в платок,
запустим-ка по нашим венам
вражды немеренный глоток,

и, окончательно оттаяв,
окурки побросав на снег,
сцепившись насмерть, скоротаем
очередной железный век.

Никто из нас не знает, словом,
в какую из земных широт
судьба с открытым переломом
машину «Скорой» поведет.

И сквозь захлопнутые веки
она увидит в январе,
что мокнут ржавые доспехи
на том неброском пустыре,

где мы, прозрачные, как тени,
лежим вповалку, навсегда
щекой прижавшись к сновиденьям
из окровавленного льда.

Встает рассвет из-под забора,
и обжигает луч косою
глазное яблоко раздора,
вовсю умытое слезой.

По улице немецкой узкой
пройди с мелодией внутри.
Воздушного налета музыка
над сновидением парит.

Тебе приснился этот город.
Перелицованный войной,
он вроде ордена приколот
к сюжетной ткани бытовой.

Ну, здравствуй, просыпайся, что ли,
ведь города такого нет,
есть привкус объяснимой боли
у контрабандных сигарет.

А ты – проездом, и с вокзала
к руинам памяти чужой
спешит, сияя краской алой,
автобус с пламенной душой.

И под восточно-прусским небом,
все понимая наперед,
держа равнение налево,
неподражаемо пройдет

любовь, как новость рядовая,
и нам останется одна
развязанная мировая
неслышанная тишина.

Судьба на наши лица по привычке
рассеянно наводит объектив.
Оттуда пульей вылетает птичка.
Стоим, на веки вечные застыв.

Среди чужих улыбок неподвижных,
печалью непроявленной влеком,
блуждает праздник. Фотоснимок дышит
душистым, точно роза, табаком.

А вот и ты, окружена друзьями,
которых еле видно на просвет,
пока жестикулирует огнями
ночной проспект.

Он озадачен поиском героя,
как вдруг, назло волшебному зрачку,
меня плечом не помню кто закроет,
и я исчезну, словно по щелчку.

Задержится, без примеси рассвета,
слепое отражение в окне
и ввинченная в воздух сигарета.
Но этого достаточно вполне.

На фоне роковых пятиэтажек
я буду не оставившей следа
деталью обреченного пейзажа,
с тобой оставшись раз и навсегда.

И ты с тех пор, не выходя из дома,
сквозь ненормальный уличный галдеж,
бог знает по каким фотоальбомам
меня так просто за руку ведешь

(когда б я помнил, из какого хлама,
красивого какого барахла,
любви и смерти скрытая реклама
рождалась, говорила и цвела).

Поэтому не бойся, умирая,
глотать вот этот воздух золотой.
И если гибель ракурс выбирает,
поправь прическу, повторяй за мной:

«...пусть нам ни дна не будет, ни покрышки,
пусть жизнь, как спичка, гаснет на ветру,
сейчас я прикурю от фотовспышки –
и не умру».

ИГОРЬ КОТЮХ

(ТАРТУ, ЭСТОНИЯ)

ПРОВОКАЦИОННОЕ

Наука монополизировала жизне-
деятельность человека, его разум
и чувства, лирическое высказывание
девальвировалось, наблюдения
перестали быть нужными. К черту
украшательство текста и
красивости! К черту переживания
и выводы! Всякую страсть
объясняет биология,
всякую ситуацию
раскрывает психология.
Современная наука
отменяет поэзию.

Да здравствует творческий
подход в науке!

Да здравствует документальная
литература!

Учитесь, учитесь, учитесь,
господа ПОЭТЫ!!!

НЕОБЫЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Записывать сны, то есть вправлять фантазию в форму реальности, никогда не занимался подобным, чтобы не разбивать мечты, чтобы не смеяться над действительностью, чтобы позволить каждому состоянию быть самим собой. Но сегодня случилось что-то невероятное: я потерялся между правдой и вымыслом, и не смог отличить жизнь от кино. Я увидел на улице как бы продолжение своей квартиры. Прямо на тротуаре я наткнулся на нишу, в углублении которой стоял ореховый стол, репродукция наскальной живописи, телефон. Все как у меня. И семейное фото – тоже. Я решил рассмотреть его. Но рядом заметил снимки других семей. Поскольку это был открытый уголок, прохожие отдыхали здесь, оставляли всякие безделушки. Каждый стремился распространить мой домашний уют. Я проснулся. Включил телевизор. По *VNI* шла передача *Then and Now*, в которой предлагалось сравнить видеоклипы артистов в начале карьеры и теперь. Просмотрев несколько пар клипов, я пришел к выводу, что время перевернулось. Почему? Не знаю. Может, мы достигли той точки, когда сделать что-то лучше больше невозможно. Потом я раскрыл газету. Журналистское расследование. «На Юге Эстонии похитили иконы. Маленькие приходы не в состоянии установить сигнализацию. Бог спит. Изображения святых вывозят на Запад». Долгое путешествие из Европы – в Европу, от меня – ко мне.

Я не видел фильма «Прелюдия к поцелую», но меня всегда восхищала легкость и целомудренность этого названия. Особенно если учесть, что сам поцелуй, это тоже прелюдия к чему-то более серьезному. Итак, прелюдия к поцелую – это самое прекрасное, что может быть у человека, это возвышенное состояние, обостренное чувство прекрасного, желание и стремление жить ради идеи, жертвовать комфортом и эгоизмом в пользу неосязаемого блага, чувства, искусства. Прелюдия к поцелую открывает лучшее в человеке, не требуя ничего взамен. Это вынужденная свобода и добровольное рабство. Предвосхищение счастья.

Прелюдия к поцелую – это тонкая психология и бездна смысла. Качественное переживание. Это классическое музыкальное произведение, которое не оставляет в покое. Его невозможно осмыслить до конца и остаться в живых. Прелюдия к поцелую это мечта. Поэтому я не буду смотреть этот фильм.

ЛАРИСА ЙООНАС

(КОХТЛА-ЯРВЕ, ЭСТОНИЯ)

на улицу выйдешь – там небо исхлестано ветром
до слез, до лиловых следов на отекавших щеках.
там воды вверху, а внизу раскаленные ветви,
там корни горячей земли прорастают в густых облаках.

там люди, там флаги, все мимо бегут, и хлопочут
и кверху летят, загребая ногой пустоту.
воронкой бурлит колокольная гулкая площадь
и через себя пропускает, все выпросив начистоту.

а что мне сказать? я пустее пустого, я воздух,
ты видишь и сам, как меня растворяет вода –
проходит насквозь, как и я проникаю сквозь воду –
не все ли равно, кто кому расставлял невода.

мы – птицы, мы рыбы, мы сбросим свое оперенье,
сквозь пальцы сетей утечем, не оставив следов.
и легкие наши впитают пространство и время –
и выдохнут влагой в просторы ночных городов.

человеки во сне будто рыбы едва шевелят плавниками
проплывая меж скользких камней и лиловых лоснящихся трав
мерно воздух сквозь веки цедея разгребая пространство руками
от вечерней опавшей звезды от бесслезных надежд до утра

не исчезнет нелепый кошмар от пустого вращения глазами
не привидится бледный Хафиз и его ковротканый Шираз
стаи блекнувших радужных птиц истекают блестя телесами
выпей сладкое море до дна выпей море излечишься враз

око выедят глупые рыбы которым неведомо время
тянут луны тяжелый прилив по подводной реке бечевой
от случайных кругов по воде наступает умиротворенье
и до завтра всего лишь столетье не стоит будить ничего

полторы улицы холодного света
синие гланды опухшего неба
глота́й эту горечь ни на что не сетуй
снег лимонной коркой озноба

разделяй дольки по сочным окнам
кислота жжет бездвижные связки
на меня опять глядят в оба ока
из щелей снеговой повязки

больной город как тебе спится
горошины мостовых камни в глотке
из глаз моих фонари вынимают спицы
для твоей золотой клетки

ДАРЬЯ СУХОВЕЙ

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

ОПТИМИЗМ И СТАБИЛЬНОСТЬ

(десятистрочник)

1 как хорошо что работает радио
как плохо что пришел муж и выключил

муж это вообще такое странное чувство
покупаю себе на днях книжку за стосорокпять рублей, даю сто и
пятьдесят бумажками, а пятачок на сдачу стучается об обручальное
кольцо вопросом на то ли я деньги потратила

5 как хорошо, что работает радио

как хотелось бы чтобы по радио

всегда раз в пятнадцать
минут
каждый выпуск новостей начинался
10 с курса валют

ПОБЕДА

в течение всей моей жизни Победа
утратившая актуальность
школа цветы стенгазеты встречи с ветеранами
пустая формальность

и эти люди
пытались воспитывать нас героями
как они сами
теперь они в большинстве своем
за небесами

а мы такое негероическое поколение
мы курим и пьем
мы ослаблены полной свободой
социум наш разобщен
мы даже не можем дать в рожу
или послать в жопу

говорят что актуальность Победы заканчивается
с выходом фильма бриллиантовая рука
там герой никулина последний персонаж
прошедший войну пребывает
в активном возрасте не старик
тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год

слова другая жизнь не подходят
я печатаю на компьютере
вчера вечером гуляла по набережным
смотрела на промзоны и бизнес-билдинги
на одном из домов на том берегу
огромными буквами опасная мебель

шел дождь
я воспринимала его как криомассаж лица
у меня нет и никогда не будет денег на косметические салоны
этим я ближе тем на чей век их вообще не пришлось

опасная мебель оказалась офисной
хотя она и вправду опасная
для маленьких детей
они могут упасть или прищемиться
и для поэтов
они оказываются зажаты в рамки
рабочего времени

про время тоже могу сказать

у нас в семье была вещь
дедушкины часы
я не помню
то ли в без пяти час

то ли в без десяти два они показывали обед
этим и были удобны
они назвали Победой сломались и их больше нет

9 мая 05

СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ КАНАТА ОМАРА

*здравствуйте
ваш звонок может продолжаться шесть минут
(автоответчик телефонной компании)*

нет мой звонок не может продолжаться
не начавшись с минут облизит шерсть
уже их пять не шесть
и дальше их число лишь будет уменьшаться

минуты тратятся как мелкие монеты
в таком автоматическом устройстве
которое сначала съест монеты
потом возможно выдаст успокойся

холодная весна упрямый старый факс
и воробы за форточкой окна

где код длиннее там теплей весна
город астана республика казахс

тан это перенос а не напиток
еще минута и еще строфа
немного пыток
потом лафа

НАТАЛЬЯ АНТОНОВА

(КАЛИНИНГРАД, РОССИЯ)

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ СЛОНА

*К примеру, в мареве вполне могут привидеться
Рождение и смерть слона,
Хотя с точки зрения высшей реальности
Никакого такого рождения и смерти нет.*

В.П. Андросов «Буддизм Нагарджуны»

Я наслаждалась этой иллюзией словно игрой солнечного света в капле росы но земля притянула каплю к себе и та сорвавшись с травинки как в воду канула вместе со всем что успело в ней отразиться за короткое время утренних сумерек вместе со мной миру предстояло начаться

ТАНЕЦ

*Ведь мы и есть не что иное, как этот поток, этот
безостановочный и вечный танец жизни.
И искать еще «кого-то», кто танцует этот танец,
просто не имеет смысла.*

Ф. Фримантл «Сияющая пустота»

Звуки какой-то неизвестной мне невыносимо прекрасной музыки доносились до моего уха слева чуть выше шла женщина в коричневом пальто с плоским крокодилом в руке она удалялась все больше и больше пока не скрылась за поворотом звуки становились все невыносимей и все настойчивей стучало в голове почему крокодил почему крокодил почему женщина со спины была так похожа на мать и на смерть одновременно впрочем как любая женщина средних лет как я сама наконец

ВРЕМЯ МЕСТНОЕ. МЕСТО ВРЕМЕННОЕ

*Мудрецы Китая вечно преследовали
странствующих акробатов своей ненавистью.
Ведь те, становясь на руки, рискуют перевернуть
мирозданье.*

М. Гране «Китайская мысль»

Со всех краев и окраин стекались целители к тому дому все кто уцелел укрылись в нем вооружившись тупыми вилами ножами водяными пистолетами бобовыми смекалкой и словом Господним трогательным и беззащитным будто восемь положенная на бок как женщина спящая в чревной позе словно плод

ЧЕТНОЕ

Дэ – это не безразмерная, одинаковая для всех добродетель (или образцовое поведение), какую предлагает русский перевод этого слова. Это такое особое качество, духовная сила или скрытый потенциал, которые характерны именно для данного человека и проистекают из внутренней природы вещей.

Б. Хофф «Дэ Пятка»

Отыскать меня просто говоришь охраннику стоящему без дела в книжном отделе зевающему и в подозрении что здесь тащить найти между стеллажей девушку в красном и немедленно приведут меня покрасневшую озадаченную а уж чуть позже я найду тех кому необходимо то или иное из того что уже обнаружено мной будь то редкое издание редкого издательства охранник книжного отдела юноша ожидающий меня на задворках моего же сознания

А ПОСЛЕ

*И вышло, что любовь в общем грязна и сумасбродна
и всегда подозрительна и смешна. Достойна
уважения лишь привязанность, которая всегда
приходит после рождения законного ребенка.*

Я. Корчак «Как любить ребенка»

Видишь как я степенно старею морщина к морщине седой волос к седому волосу слово за слово что раньше откажет ноги или память о стареющем разом со мной рука об руку плечо к плечу бывает чуть медленнее меня случается на шаг вперед но всегда где-то рядом чтобы не дай бох не пропустить наше с ним вместе и в один день

ОТЧАЯНИЕ

*Куда будет открываться дверь, внутрь или наружу,
зависит от того, как вы укреплете петли.*

Д.Т. Судзуки «Основы дзен-буддизма»

Тот яблочный пирог был приправлен заведомо ложными основаниями: влечение ярость безразличие всем хотелось насладиться его вкусом он так пах и такое тепло шло от него во все стороны света такая глубинная память о маминых руках были ли они не было ли их но вот остался лишь кусочек теста без начинки на краю блюда с розовой каймой на который поглядывали теперь с отвращением и о нет не вставали больше в воображении яблоневые сады и пшеничные поля колеблемые ветрами всех дорог вскоре забыли о нем и только опасная на ощупь пчела не переставала синицей виться над целым пирогом как над недельной давности его заветренным кусочком как над неизбывным в короткой ее памяти запахом того яблочного пирога

ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ

Подбирая разрозненные лоскуты, мы попытались воссоздать лишь задник той огромной сцены ..., на всем протяжении которой актеры некой пьесы, текст ее нам не известен, впечатывают следы своих шагов.

К. Леви-Строс «Путь масок»

Отбивая копытцами *Take ten* местами потертый наскоро залатанный маленький ослик тащил по проулку Экхарта празднично перевязанную картонную коробку в которой лежало всего понемногу: пакетик с семенами трипитака самый первый солнечный восход гигантские морские волны пески пески куда ни глянь женский стон детский лепет полуоперившийся птенец кондора с осоловелым взглядом клубочком свернулась в углу песенка про светлую ее печаль около которой стояла точно такая же картонная коробка до поры до времени пустая

ВСЕМ СНАМ СОН

Если ты думаешь, что умираешь во сне, ты лишь получаешь силы мира, твоя собственная сила, которая была настроена против тебя, теперь желает соединиться с тобой.

К. Стюарт «Представление о сне в Малайзии»

Я упала в два ночи будильник на шесть сорок ребенок в детский сад я в машину по пути авария на обочине лежит тот кому уже не до жизни кто упал в два ночи рядом с кем-то родным и теплым и сны все были мрак мраком но с утра не вспомнить словно красная пелена перед глазами только то и имеет смысл что любовь

КРУГЛОЕ ГЛАДКОЕ

Вообще если люди доверяют чему-нибудь, то потому, что в этом нет ничего, чего бы они не могли разгадать; если они чтят что-нибудь, то потому что в этом есть нечто, чего они не могут подсмотреть.

Су Сюнь «Рассуждение о „Книге перемен“»

Возьмем единое целое разделим его на две с виду равные половинки: мужскую и женскую белую и зеленую или же синюю и красную пахнущие соответственно то ли сандалом и амброй то ли пачули и чабрецом одна сладкая на вкус другая горькая но может соленая и кислая мягкая как молчание любящей женщины твердая как голос любимого мужчины соединим и получим единое целое

НЕ ОГОНЬ

*Офелия:
А вы подхватывайте: «Скок в яму, скок со дна, не
сломай веретена. Крутись, крутись прялица, пока
не развалится».*

У. Шекспир «Гамлет»

Когда пытаешься оживить огонь дыханием желанием согреться пламенем посильней внезапно прозреваешь что так или иначе однажды придет конец огню дыханию желанию согреться любому пламени на смену придет отнюдь не огонь

ЕЛЕНА ЭЛТАНГ

(ВИЛЬНЮС, ЛИТВА)

QUARTIERS D'HIVER

ты меж собакою и волком на авеню де лигуре
 замок царапашь заколкой фольксваген вязнет в декабре
 а я звоню тебе с распая где вяз свихнувшийся с ума
 сухую охру рассыпает и я сама сама сама
 с утра ступени обметаю повсюду вялый алый пух
 не то отставшую от стаи здесь разметало птицу рух
 не то войнушка между нами и посвист ос и промельк шпаг
 и между письменными снами любви на воробьиный шаг
 повсюду русские медведи и русский месяц на дворе
 и ты в своем простудном пледе на авеню де лигуре
 в сердцах раскручиваешь глобус а я пиши пиши пиши
 каретка щелкает автобус из бездны бегаёт в клиши
 я отдышалась все готово для новой битвы – дом и сад
 и стрелы лука молодого летят в тугие небеса

ПУШКИН TRIP

поэзиядолжнабыть!цепоэзиядолжнабытьvata
 скосив зеницы на иглу мой спутник молвил виновато
 не разрешать не утешать а клеить рукописи рваной
 края и в мертвый рот дышать и хлопком забивая рану
 облиться вишней дочерна и пересохнуть всей гортанью
 и к малой помощи вина прибегнув выдрать состраданье

поэзия тебе должна? долженствованье неоплатно
 когда пустившись в путь одна ты понимаешь что обратно
 дороги нет но нет и дна – нет ада слышишь ариадна
 твоих тесеев имена здесь украшают вход парадный
 и то что держишь ты за нить о шелкопрядка бедолага
 ни удержать ни удлинить а дальше чистая бумага

FLÛTE Á ВЕС

ты обращаешься со словом с высокомерьем седока
с шинелью жесткой на луке – еще не нюхавшего боя
так флейта ловит крысолова на острый прикус мундштука
и волочит его к реке по тодес штрассе за собою

у них одно предназначенье но *он* лишь воздух и слюна
фигура речи в офигеньи стремленья смертного – а в *ней*
войны металл виолончельный и барабанная луна
и все слабее белый гений и черный гений все верней

CIGNO

дорогая м. у меня завелось прошлое
ало́й лапой бьет шипит в колени тычется
никаких поэм я гуляю одна как взрослая
и кормлю его с белой руки будто леда птичница
на безрыбье тем есть мотыль или так – крошками
приманить к мосткам а потом приручится и липнет сам
дорогая м. заведи поскорее прошлое
а не хочешь так – заведи под дубовым плинтусом
заведи тотем будет в стенах ходить с топотом
заведи дружка локотки целовать совести
дорогая м. поделиться с тобой опытом?
или ты уже – но молчишь утаив новости
город глух и нем от жары шоколад плавится
фарингитный хрипит фонтан сухими кранами
дорогая м. познакомься тебе понравится
заведешь свое и поймешь про меня странное

вот женщина и вот ее коклюшки
она плетет а я вожу глазами
я ланселот взыскующий бальзама
я рана весь я вымок до макушки
все на виду под грудой свежих кружев
и сутр и строф – лови ее с поличным
так помпиду сосудами наружу
гоняет кровь для публики столичной
она плетет и пальчики летают
пахтает тьму а я развесил уши
налей лилит лоханка золотая
ловушка снов веснушчатая вруша
сочти меня потерянную драхмой
недельный счет ведя как ход петельный
я пятничный по средам ходит враг мой
и без звонка приходит враг смертельный

вот женщина и вот ее вязанье
я занят занят

приходи я хочу показать тебя кактусу
он цветет красногубый зима не зима
а на пики тебе выпадает хоть как тасуй
забубенный валет небольшого ума
алый рот в молоке лоб в холодной испарине
да и тот не приходит хоть волоком но
шелкопряды как мы золотые непарные
все одно доплетают свое волокно
разговор то у каждого свой с дознавателем
то ли пить взаперти то ли красным цвести
то ли марш в легион завоевывать звательный
чтобы просто о господи произнести

что-то мне нездоровится
и досада как ссадина
будто рана дриады
подсыхает сукровицей
будто сучья обломаны
и покуда растает все
ни бесчинства ни тайнства
только боли фантомные
и покуда из мерзлого
выйдут соки древесные
худо - зябну да ерзаю
на смоковницу местную
променять бы смиренно мне
свой терновник задиристый
зимовать бы озирисом
в тамариске сиреневом
течь бы сладкими смолами
жечь тетрадку глаголами
не стоять бы здесь голою
не стоять бы здесь голою

АЛЕКСАНДР СКИДАН

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

ИЗ ЦИКЛА «РУССКИЙ ИВРИТ»

1.

сердечко-сердечко
выходи на крылечко

там кровь стоит спустя рукава
говорит слова:

здравствуй, суккуб
из конских залуп

в час по чайной ложке
из любви к понарошке

тебя разлил
Господь Сил

да видать не осилил
в меня вылил

2.

жена моя Русь
я к тебе прижмусь

от Курил до Вильно
чтоб не было видно

и ты сестра моя жизнь
потесней прижмись

в обиде ли в колготе
все слова не те

вжикни черную вьюшку
отвори юшку

заспи поросля
разберем опосля

оно стоя сподручней
как близнец в тучах

стропила выше
вошел и вышел

3.

сердечко-сердечко
выходи на крылечко

как через простыню
горящий куст или ню

там кровь стоит спустя рукава
толкани ея

опоры день лишенный, кровли, выси
круги над городом, а после – под глазами
отправленная восвоеси
слепая как проем окна в кавернах
кровь причастившаяся крови
отныне будешь мне сестрой скоромной
скороговоркой спирта в скверне марта
не переплыть мне ставшую огромной
татарскую пустыню утра

речь, уходящая за грань произношенья
вся в птичьем клекоте, ничья
не переплыть мне ставшую огромной
постель прихлынувшую с девой света в рубище
не пестовать отдушину, ни лоно
ни тленья убежать
исклеванному горлу песни

не переплыть мне ставшую огромной
татарскую пустыню утра
постель прихлынувшую с девой света в рубище
не пестовать отдушину
ни тленья убежать ни поношенья
простоволосому не выбежать на капище
бинокли лимфы глаз не отомкнут
где самописец сердца лоб увечит
и там в рванине неба или лба
на высоте блуждающее семя
и – непорочное незачатье

LIBRETTO

1.

*Музы́ки одуванчик облетел
а я хотел его хотел*

– Необходимо продолжать.

– Я не могу продолжать.

– Продолжать то, что завершено.

– Музыка, ты говоришь о музыке?

– С первых же тактов нервы трепещут в унисон с мелодией,
содрогается любая не забывшая себя плоть.

– Аскеза, посредством которой проза отделяется от поэзии, служит
призыву к песне.

– Музыка углубляет небо.

2.

– Истина же в том, что посредством музыки (посредством техники)
на свет появилось первое массовое искусство. Байрейт. Здесь-то,
естественно, и сталкиваешься с политической – или эстетико-
политической – проблемой.

3.

- Эта музыка сообщает что?
- Эта музыка сообщает о невозможности музыки.
- Невозможность музыки как традиция.
- Невозможность традиции.
- Современность означает преемственность с традицией через разрыв.
- Разрыв как революция? Или как возвращение того же самого?
- Вечное возвращение того же самого
- Вечное возвращение того же самого как иного.
- О природоведение, о логика, о математика. Я не могу продолжать.
- Вечное возвращение того же самого как.
- Я не могу продолжать.
- Необходимо продолжать. Конец искусства.
- Музыка, ты говоришь о музыке? Тоска по «великому искусству» – это тоска по религии. То есть в конечном счете по общности.
- Все тот же Байрейт.
- «Моисей и Аарон» был сочинен как раз перед приходом Третьего Рейха.
-
-
-

4.

И все же остается вопрос: что же в точности хочет сказать Адорно, когда заявляет, что разрыву (или цезуре) следовало бы самому обратиться в музыку?

ЖОРЖ УАЛЛИК

(РИГА, ЛАТВИЯ)

Куда кутикулы не спрячь – отыщут.
 снова оторвут
от краешка бумаги еще немного
от сна глаза
все больше и также далеко
смотрят в сон.
и из него знакомятся со мною
твои же незнакомцы в тесемках серной кислоты
в висках из эдельвейсов,
о которых ты...
так много знаешь
может ничего
так, тихо слезут с кресел,
одновременно все
они же
из двуспальных ртов прочешут
и в порядок приведут к обеду
свои все сорванные руки УСПОКОЯТ.
В расстройстве...
и утайкой потерять умение созидать.
и в нужной частоте уже отдышкой
сердца будешь слышать
вдох.

впрочем,
бумага отразит не все,
а дышишь И СКОЛЬЗИШЬ ТАК ОТ НЕ НАОТМАШЬ КАК ОТ
ОСЕННИХ ПЧЕЛ НЕ УЙТИ.

ИЗБЕЖНОСТЬ ВЫВИХА ИЗВЕСТНОСТЬ

повздыбив, поздно, опоздать.
под поезд тот же – не ушел
сказать ему и имя с титров снять
за край платочек уголок.
растратить денежный мешок
из вещи в вещь
от жеста к жесту
все тесней мыслится и тесно
произноситься речь могла б,
да преднамеренно избежна
известность с вывихом из сердца.
их клавишиновый фрагмент
проклонет яйца из птенцов
в столь плотном небе много места,
где благодарный человек
крошится от избытка чувства.
с его висков сочится скорость,
ее подков, как знаков строгого режима
не стоит много мять,
ей все едино. Я и Мне
не изменяет никогда,
в особом месте – место обо
со стойким хором оловян
солдатных жителей столицы
не подогнуть коленных чаш –
мы все из глины взяли все
свое всегда при всех своих.
в строю сознания остановка сердца –
скорость смерть.

По горло не хватает лебедей,
И в реках,
И за воротник –
Все мало, не вмещает человек.

Оперьевшейся скорлупы в квартире столько, что можно вешаться
на Шее у нее
Хоть каждый четный день.
Тогда читать бы стали чаще из-под пресса
Не выглядывала голова,
А интересовалась, растворяя хвост
Кудряво,
В дверном проеме крик ее все реже,
Только треск скорлуп и гадины роскошным колтуном ползут
По телу человека быть
Так подобные ему минуты переворачивать
Песочные часы.

И лебеди – дебилы водоемов
Примкнут к любому душу серебром.
Рассыпав уголья
Расточенных резцов трезубых в наших парусах,
Краснея ходят ветры
 И просят разрешения выйти вон.
И от волнения, не выдержав,
Канат стремглав опережают
 Артерий ровных голосов,
Прижав плотнее, чем соломинку к крылу –
Леч-ч-чу-у-у-леж-у-у-у...

П.И.ФИЛИМОНОВ

(ТАЛЛИНН, ЭСТОНИЯ)

СЕМИРАМИДА

Мы – поэт маргинальных окраин,
вы – прозаик больной головы.
Мы в какие-то игры играем
в невысоких фрамугах травы.

Вы умеете трепетно слушать,
мы умеем надсадно кричать.
Наши явно заблудшие души
дети вклеят в большую тетрадь,

разлинут божественной палкой
и оставят желтеть на шкафу.
Что угодно, но только не жалко...
Наши сны... Ваше вечное «фу»...

Мы ленивы и косноязычны,
вы замотаны длинным платком.
Где я видел Вас, ангел мой личный,
с молоком, с васильком, босиком?

ПЕПЕЛ

Я придумал нам новую жизнь –
ту, где ангелы строят нам куры,
где врачи безработны и хмуры,
где волхвы за работу взялись,
где нас всех воспоют трубадуры,
где все даты и стрелки сошлись.

Так не надо, прошу, этих поз,
этих гнусных зеленых листовок,
этих разных полячек, литовок,
этих соков стремительных лоз,
этих спяну забытых винтовок...
Пусть Иуда, но нужно ль вzasос?

Горек жребий кривых Черубин –
истрепались рубашки пасьянса,
пастушок из цветного фаянса
раскололся на сто половин.
Только память хранит постоянство.
Только ГЭС не износит турбин.

А в ладонях – зола и гуашь,
да пластинки заезженный голос...
Сколько лет я прожил без глаголов,
поправляя впотьмах патронташ.
В одиночку на орды монголов –
вот такой я люблю абордаж.

Бойся: всадников, крика ворон,
перевертышей, лиц без сомнений,
острой пищи, природных явлений,
соловьев, голосащих из крон.
Пуще этих страшись сожалений.
Посмотри, как танцует Нерон!

И не стоит меня порицать –
я – один из расплавленной массы.
Меня часто несут мимо кассы
или просят там не пробивать.
Я последний автобус из Лхасы,
но не стоит меня отрицать.

Все изменится, верь мне и жди –
будут клавиши пахнуть кагором,
буду трезвым лежать под забором
на дороге твоей в парадиз...
А ребенка назначим Егором.
Потому что ветра и дожди.

Запиши этот день в дневнике,
нарисуй на полях олененка.
Если есть, то тащи кинолентку
или кляксу поставь в уголке.
Ты такая смешная девчонка
с этим пеплом на левой щеке...

Вот приблизился. Тихо. Ложись!
Ведь не зря же мы рыли окопы,
добирались сюда автостопом,
взявшись за руки. И добрались –
из глубин малахольной Европы.
Я придумал нам новую жизнь.

Огоньки холостых маяков
имитируют путь в круговерти.
Черным налом, в красивом конверте –
коромысла счастливых подков.
Бог придумал нам старые смерти.
Он сильнее нас с тобой, дураков.

ЧЕРЕПАХА

Черепаха убегает от Ахиллеса.
А могла бы стоять, все равно не догонит.
Да и если б догнал бы, что б он с ней сделал?
Изнасиловал бы? Убил? Милосердный боже!
(Все равно даже, какой, абсолютно любой с Олимпа.)
Это нелепая претенциозная шутка.
У героя нету к этому вообще интереса.
Что характерно, у черепахи тоже.
От этого жутко.

Чебурашка убегает от крокодила.
Не по обкурке. Просто ему надоело.
Сколько можно служить объектом для гнусных насмешек.
Зеленый скользкий юмор рептилии. Холодный юмор.
Ему сорок два года, давно время жениться,
заводить детей, потом отдавать их в школу,
а он все скачет козлом в обществе злого дебила,
а сил уже нет – вчера, например, чуть не умер –
схватило сердце в разгар рок-н-ролла.

Че Гевара убегает от мотоцикла
по Аргентине, размахивая руками.
Сзади целится из миномета сиволапый Борхес.
Все равно ведь промажет – слепой, как известно.
Тем не менее, пробирает мороз по латинской коже.
Революции, *venceremos*, не получилось.
Можно уснуть, отдохнуть в ожидании нового цикла,
но, видит Бог, руки и ноги дороже.
Побереги себя, дорогой Эрнесто.

И черепаху тоже.

УЛИСС

Говорят, у меня семь жизней.
«Фольксваген» несется на взлет.
Где же взять нам воск на затычки?
Это праздник работников почты.
Если долго смотреть на воду,
обязательно повезет.
Вы можете мне не верить,
но я это знаю точно.

Говорят, я умею плавать.
И мой друг навсегда свинья.
Ослепительны ваши дети –
не берет их царская граппа.
В общем, так. За далеким морем
всех и каждого ждет семья,
а пока деревянные кони
предсмертным давятся храпом.

Говорят, меня ждет Пенелопа.
А еще говорят, не ждет.
Но несется вперед Аршавин,
и есть пока пиво и чипсы.
Так что – на кол ваших рапсодов.
Завтра минет девятый год.
Я проснусь и рукою, чуть слышно,
проведу по спине Калипсо.

КОСМОС КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

До приезда в город Гагарина жизнь развивалась плавно:
бабы носились с ведрами, химики делали сплавы,
мужья изменяли женам, отличники пили лосьоны,
девки снимали трусы, в зеркало глядя влюбленно.
До приезда в город Гагарина оркестры играли туши.
Мясники, влюбленные в девок, тырили с бойни туши
и, глядя все в то же зеркало, мазали девок кровью.
До приезда в город Гагарина город дышал любовью.
Завод выпускал болванки. Тракторы рокотали.
Девкам ответно из зеркала улыбался ласковый Сталин.
Лосьон не всегда спасал отличников от пятерки
до приезда в город Гагарина. После отъезда Лорки.
До приезда в город Гагарина всех женщин звали Юдифью.
Мужья никогда не путались (о, эта хитрость скифья!).
Получивший пятерку в четверти думал о суициде.
После отъезда Лорки народ охладел к корриде.
Стрелки пересекались, брюнетки были блондинками.
Существовала традиция пить ночью чай с невидимками.
Мурашки бежали по коже, и сердце так сладко ахало.
До приезда в город Гагарина вечностью и не пахло.
Бог знает кем доказано: есть логика в географии.
Столичный крутой папарацци снял из травы фотографию
для будущих полуподстрочников. Вот она фотка, смотрите ж:
Гагарин на бежевом ЗИЛе въезжает торжественно в Китеж.

ПОЭТ ЩЕМЯЩЕЙ ЛЕГКОСТИ

Текст-группа «Орбита» (Рига, Латвия)

Умер Олег Золотов. Поэт, обладавший уникальным многомерным ощущением языка. Поэт, родившийся в Риге в 1963 году и до сих пор малоизвестный латвийскому читателю. Самый яркий представитель поэтического поколения, в 80-е годы вышедшего на литературную сцену вместе с журналом «Родник». Поэт, чья первая книга, «18 октября», вышла из типографии всего пару месяцев назад (до этого, напечатанная на машинке в нескольких экземплярах и в несколько другом составе текстов она выходила в самиздате еще в начале 90-х).

Олег зарабатывал на жизнь тем, что работал каменщиком-печником, трубчистом, долгое время проработал в одном из рижских театров. Среди поэтов своего поколения с трудом находивших место в новой реальности, эмигрировавших, отказывавшихся от литературы, недовольных собой и жизнью, он оставался поэтическим «Моцартом», верным своему ощущению поэтического предназначения, которое могло идти вразрез или параллельно всеобщей реальности.

При всей кажущейся не востребованности его творчества или невключенности в общий литературный процесс трудно назвать литератора, который был бы более «настоящим поэтом», ибо, увы, само понятие это включает в себя некий вызов судьбе, пренебрежение общепринятой карьерой и славой. Всего этого в избытке было в жизни Олега. Но при этом его литературный тон в лучших текстах всегда оставался насыщенным той почти «детской сладкой легкости», которую приписывал ему другой поэт его поколения Алексей Ивлев. Легкости, в то же время непоправимо щемящей и сладостно-грустной, как от мысли о том, что когда-нибудь нас всех здесь не будет. Мысли, без которой, наверное, поэзия невозможна.

ОЛЕГ ЗОЛотов

(РИГА, ЛАТВИЯ)

КОМНАТА С МЯГКИМИ СТЕНАМИ

она не ведьма – ветер: ознобом
отстреливая волосок (как близко, как безотносительно
к таким вот мелочам (я настаиваю): что лучше – нарезное
или с гладким стволом они забыли спросить но там еще было ситечко

золотой предмет для просеивания высоты – этих запахов кухни кофе
воздуха от заката, скользящего кромкой брандмауэра
и разбивающегося о витражи где-то уже в эмпорах сиречь на хорах
оканчивающего полет но все это были модели от маленьких

как модель самолета (в камин, комплектами, поэскадрильно) –
как таблички с названием города я настаиваю как реки которые
минуешь, не замечая – в тех местах где ты не сможешь меня услышать
да, ну и что, я не смогу тебя услышать, у нас сумерки, конторские

расходятся по домам не то в нашей конторе вот что:
в углу, где эфиру легче всего проникать (при засыпании:
любимый, любимая музыкой, теплые сосны) возле
надорванной по шву обивки – напряженье воды всех трех этажей я настаиваю

ритм насосов изматывающая кода шлягера учиться не отмечать времени:
прошлое не имеет слуха и ты не сможешь меня услышать
зато я буду слышать, как падает твой черепаховый гребень
мы так и назовем это место: *здесь прошелся загадки черепаховый гребень*
или *гряды безмолвных прощаний где ты не сможешь меня услышать*

потому что все сбилось именно здесь или в другом месте; немного
левее, где некто, свернувшийся калачиком, просовывал под обивку свой таинственный ноготь,
и ты навещала его, отлив с ближайших к тебе могилочк немного водки или другого спиртного,
и мы оба смеялись над твоими словами что вот, мол, умру – можно голый кидаться в окно хоть

брошенный даже ленивой пехотой (когда я ремесленник, мне не нужно заботится ни о куске хлеба, ни о ночлеге, когда я поэт, мне не нужно думать ни о том, ни о другом, потому что брошенный даже ленивой пехотой где-то в эстуарии Тибра, точнее,

в тростниковых плавнях, где близость Тростникового моря (что ли) делает воду негодной для водопоя измученных эскадронов; слушая пение ветра в тростнике, бесконечную жалобу, вернее, сетование; ничтожный повтор темы отмечается ветром, как *tutti*; от случая –

к общему: уже никогда ничего не случится; сей необременительный закон: изменяя количество тростниковых горлышек хоть на порядок, увидишь: уже никогда ничего не случится – немислим применительно к двум ста темнокожих, выстроившихся в ряд,

внимающих тростнику по колена в вонючих тростниковых плавнях – невозможен здесь, на краю Ойкумены, вне надобности кухонных очагов и кровель, изредка перестилаемых осенью (и более ничего не случается!), зимою же беспрестанно текущих; вне надобности пускания крови,

предваряемого симптомами: к ночи тянет в области скул (бивни?) пульсируют переполненные полушария, по субботам маятник медленней, выход из пике обильней;

вне странных своих отношений с высотой и синтаксисом и вне хоть каких-то событий, кроме прилива и течения времени – ибо, любимая,

граней между есть было будет когда-то пение ветра в тростнике тростниковая крыша кровопусканье любовь – не нуждающийся ни в чем, научаюсь не различать, брошенный даже ленивой пехотой, салютующий всякой проплывающей мимо рыбине, кускам древесины, яблокам, кукурузным початкам

...и шрифт – когда бы точный (как рыба, да) шрифт: оптимальный соответствующий
определяющий

соотнесенный с
(я консультировался я знаю я подползал) о! с вертикалью кож (sic!) так некие пейзажи
бывают вертикальными, как чаши изнутри; с тем еще, господа, что называют
стоять на пальцах с

висками и проч. к оним
приложимым с биением ее пульсацией нет с биением неких стай и вышних клиньев
отдельных
представителей (кто первооткрыватель птиц?) под кожей
неба (наконец!) уходящих исчезающих тающих пернатых тлеющих темных
бескровных.

такой или подобный шрифт (вот с этой кожей неба и жилкой бьющейся в куда)
способен лишь в малой

мере изобразить похожее на: *инъекции Господь инъекции* а далее –
непонятней неразборчивее прекраснее точнее непревзойденнее очаровательно-
двусмысленнее но чаще

все ж Господь всю (?) ночь (?) шептал с соседней койки бормотал *Хабаровск брат*
Большой Шаман

(грозил) с соседней некто в треххвостой шапке (два хвоста из коих никому
и никогда не принадлежали последний был опознан как хвост сбежавшего из цирка
опоссума)

в двух дюймах от меня (здесь расстоянья тоже доложу что здесь лежать могли б рядом...
да кто угодно)

инъекции Господь крошил ломал как чашки
как фарфор гортань и рот крошил рвань сквозь чужой язык как зверь в язык
как зверь сквозь до-язык
как зверь до сквозь язык как человек намеревающийся предстать перед своим
Японским Господом

будучи жестоко прикрученным к койке и невероятно обоссанным
(а жил так долго не раздеваясь (по ночам особенно долго) оттого что кушал гуталин)
...несколько дней тревожит неясная семантическая близость слов

«Цейс» и «Лоботомия», блин

только краешек тени лежащей ворочающейся на нем смерти и тень тени Японского его Бога (суета и колокольчики капельниц колокольчики какие на могиле азията бывают) да что ему до них до белоснежных павловских собак до рвущих сухожилия и вены – тень тени сдвинувшись ко мне и без того распластанному (зачеркнуто) и из получившегося (!) хирургическими ножницами (!) вырезаю букву «и» и даю сказать ему «И»! и сломанными хирургическими ножницами... и еще и еще и даю сказать ему и они
расступаются в страхе
и разбегаются и что бы по-ихнему не означало *exitus* (вой ужаса однако предполагаю)
по-нашему это – (густо зачеркнуто) вне всяких сомнений.

а странно все ж. столь долго розно прожили (всю жизнь) что смена
палат и в этот раз пришлась куда пришлась и в прошлый – опять белили потолки и стены

ПАВЕЛ НАСТИН

(КАЛИНИНГРАД, РОССИЯ)

ДЕШЕВЫЕ ВЕЩИ ИЗ ЕВРОПЫ

I

Господь ходит взад-вперед по опустевшему саду, совершенно не зная, чем бы занять руки. Напиши письмо образам и подобиям – пусть мироточат в темноте, пока остальные спят – образы и подобия. *Opencard* с видами на плодово-ягодные деревья, фонтаны, сов, агнцев и прочие атрибуты, без указания даты и обратного адреса – образам и подобиям.

Представьте себе досаду бедных родственников, всякий раз получающих на рождество открытку от родственников богатых, открытку за \$7.49, которых как раз и не хватило, чтобы... например, чтобы запомнить о достатке богатеньких родственников, проживающих на том берегу реки. А теперь представьте себе досаду профессионала от благодати, учившего эти рождественские открытки наизусть по долгу почтовой службы, когда, оказываясь, сидит на рыночной площади (нет в наше время рыночных площадей, но об этом не принято говорить вслух) оборванец, и попробуй докажи зевакам, что вовсе никакой он не Мошиах и не Будда-Майтрейя.

Представили? Вот и славно. Следующая станция: Кладбищенская – Новая – Северо-Западная.

Два года назад, проходя по Медовому мосту, я заметил, как Господь молится среди плодовых деревьев, заботливо посаженных людьми ради того, чтобы Господь мог молиться среди плодовых деревьев, о людях, что посадили плодовые деревья для того, чтобы Господь молился о них, посадивших для Господа плодовые деревья, чтобы среди них он мог молиться о спасении тех, кто вырастил эти деревья, среди которых он молится. А если бы Он не пришел, для кого тогда стали бы расти маслины, акриды, сухие смоковницы и дикий мед в маленьких стеклянных баночках? Шоколад тогда еще не был известен Синоптикам. А если бы Он пришел, а никто не удосужился бы посадить Гефсиманский сад? Страшно себе представить, сколько всякой всячины должно было совпасть в одно время в одном месте, чтобы вот так – раз и готово! – Господь может спокойно молиться среди деревьев, посаженных людьми, о которых Он молится. А ведь это не самый сложный случай из тех, что я знаю.

Кое-что из прошлой жизни я помню еще, например, всенощную в Храме Христа Спасителя. Ночные бабочки-моли-пчелы кружились над диким медом, совершали неторопливый танец существ, знающих дорогу туда и обратно, словно в кармане уже лежат проездные

билеты на январь, а не как у нас, смертных, на одну поездку в трамвае. Меня заворожила убедительность их черно-желтых панцирей, их насекомая отстраненность, размеренность движений и склонность цитировать избранные места из переписки Тимофея и Павла.

II

Среди дешевых вещей из Европы в пластиковых пакетах и узлах из старых простыней мы обнаружили книги в твердых глянцевых обложках, один вид которых соблазнял перевести их на родной язык, что и было сделано мастерами с тщанием и даже с некоторой примесью тщеславия (вот, мол, я как могу, мне уже вот прямо сейчас ведомо то, о чем вам, малым сим, только предстоит прочесть в завтрашних газетах и журналах). Впервые это случилось ровно одну тысячу сто одиннадцать лет тому назад. Осталось непонятым, правда, как это могло произойти ровно одну тысячу сто одиннадцать лет тому назад, если впервые дешевые вещи из Европы мы стали привозить лишь восемь лет тому назад.

Дешевые вещи из Европы не зря были вывезены в строжайшей от европейцев тайне именно из Европы. И не зря, хоть и совершенно случайно, мы нашли там, как в тетушкином чулане, эти лаковые шкатулки с иностранными словами.

Восемь лет тому назад мы обеднели настолько, что стремно стало обращаться друг к другу по-русски в трамвае, да и друзей-то, собственно, не осталось. У нас не осталось буквально ничего, только одни буквы в невостребованных кризисом букварях. Мы работали за чай и булочки проводниками поездов дальнего следования, перевозивших новых кочевников, а также их ящики со спиртом, одеждой, пищей и сигаретами – всю их расторопность, мгновенно воплотившуюся в русские предметы первой необходимости. И переселением народов это не назовешь – переселялись одни только деньги: из одних карманов в другие, а что толку? если на самом деле не было и нет никаких денег, которые можно было бы сложить стопочкой под шкаф и полагать свое будущее делом решенным.

Что было одну тысячу сто одиннадцать лет тому назад – не помню.

Спустя три или четыре года со дня окончания железнодорожной напасти мы стали называться «россиянами» и, вдруг, обрели вкус ко всему изыщному.

Не устроив дороги и не научив дураков, стали вдруг зачитываться надписями на исподобелья. И уважаем друг друга за эту начитанность.

Или не уважаем. И стало вокруг все так величественно и исполнено смысла. И новый год – уже не новый год, а миллениум, и как не выпить по такому случаю? Мы не замечаем себя вместе – собранными в одно лицо, в одно тело, мы царственно вышагиваем в своей подчеркнутой отдельности, особи (*proprium*), в черных кожах и серых мехах по улицам, загаженным трехтысячедолларовыми щенками, и все еще не замечаем собственных отражений, возникающих то там, то здесь – в зеркальных витринах. Надписи! Мы осваиваем чужой язык, забывая свой. Да и был ли он – свой язык? Кто вспомнит, если каждое утро жизнь моих соотечественников начинается заново. Ни греха, ни тяжелого сна, ни воспоминаний – все, как впервые. Никаких сожалений.

III

Мы – это мы, но не существуем на самом деле. И самого дела нету в помине. А щенки гадят. А нас нету, но наступаем же. И портим ботинки, настроение, портим свои дешевые вещи из Европы. Охочие до глянца вечной зимой, когда снег либо уже выпал, либо едва только растаял, а кроме снега нет ничего, разве что соль и перец по вкусу.

IV

Ходкие часики, падкие до соблазнительного блеска соляных столпов. Ломкие лимонные квадратики, зимующих ночных окон. Скользкие лестницы. И вся-то насыщенная жизнь – все уместится в одном билетике на одну поездку в трамвае, прости, я не могу перестать говорить об этих бумажных крылышках ангельских для маленьких розничных ангелов, обитающих под арками и в туннелях. Скоро в парках и скверах начнут жечь прошлогодние листья и растапливать снег, очищаясь от скверны.

V

Неподалеку от Главного магазина дешевых вещей расположено мое жилище. Здесь лестничные пролеты освещаются электрическим светом из матовых плафонов, похожих по форме на таблетки аспирина с надписью «Выход». Что бы ни случилось, я знаю, где выход. Эти лекарства раздают при входе в дом с целью убедить меня и тебя в необходимости каждый вечер возвращаться в этот чужой неуют, не нами отстроенного надземного бункера.

– Я подумал как-то, глядя на голубей на плоской крыше напротив, что если через двадцать-тридцать лет мы сами собой переселимся в узкие пыльные и темные расщелины между островков леса, то там возродится и станет жить-поживать себе прежняя бесшумная природная жизнь. И если и дальше попустительствовать этой не нашей природной жизни, то коробочки домов сравняются с землей, и нам придется уйти под землю. Собственно, уже сейчас ничто не мешает нам уйти под землю, чтобы не мешать ей жить и рожать. Ничто, кроме нелепого предрассудка: мы – соль земли. Вот вам и солончаки сплошные, насколько видно кругом – соль и перец по вкусу. Безжизненно.

– Людей стало слишком много и, чтобы оставаться людьми, придется нам стать меньше – сжаться в точку, утесниться до размеров своей души, которой не требуется ни времени, ни пространства, а то, что ей требуется совсем не обязывает нас суетиться и превращать собственный дом в пустыню и проходной двор, где не живут даже дворняги – только трехтысячедолларовые щенки, да и те скоро содохнут.

VI

На поверхности уже не хватает места для лакированных автомобилей, когда-то давно обещавших нам кривду римановской свободы. Деревья брезгуют отражаться в заведомой расцененности, в фальшивой луне. Благосклонности деревьев, пусть даже и пойманных

в своей неспешности городом, нам не добиться. Они живут внутри свободы, почему, собственно, и не развились у них навыки побега и спешки. Они прожили настолько больше нас и всего вокруг нас вместе взятого, так откуда им, деревьям, уметь убегать?! Пристыженные, мы прячем машины под землю.

Отдельная от солнца жизнь, протекает по резиновым венам метро, и там продается и покупается все так же, как и на поверхности. А длинные подземные переходы и супермаркеты в них? Зрелые плоды светобоязни. «Люди лунного света». Увы. Лампы дневного света, в которых люди слепнут и, спотыкаясь, бредут по стеночке в выходе, всегда представляющему из себя вход в следующий туннель.

VII

Апокалиптика что вчера, что сегодня одна и та же: кажется, будто мир созрел и вот-вот разрешится от бремени того негативного смысла, который мы придаем ему. Ан нет, не торопится он рожать и оставляет нас в неведении о смысле своего существования. И всякий раз мы обманываемся относительно него, списывая все на милость и промысел Божий. Еще неопубликованные откровения устаревают ровно со скоростью света – этого света. Так размножаются дешевые вещи из Европы.

VIII

А вот и мы: пещерные личинки, твари глубин, невротические комочки, форма существования белковых тел среди каменистых расщелин, в постепенно опускающейся под землю Атлантиде, опускающейся в абсолютную темноту, в запах плесени, смазки и резины, в черную копоть, в чад, в ад, уже опустившейся. Подводные лодки легли на дно, как это и планировалось самым что ни на есть генеральным штабом вся говна. Наше дело маленькое – молчи и дохни.

IX

Нежность и сила – две несовместимые вещи, не так ли?

Но так ли несовместимы любовь и ревность, счастье и разлука?

И проникающая нежность больно ранит, а сила оставляет тебя тобой среди асфальтовой пустыни. Тебя рождает сила, зачинает нежность. Причиной силе – нежность, нет других причин.

Так, значит, в силе нет смерти и нет греха, пока ты сам не сделаешься сильным? И смерть бессильна, смерть всего лишь нежность.

И в нежности содержится весь мир, перевернувшийся и еле отраженный в своем желании жить. Желание жить приводит нас к обособленью, а нежность – это смерть. И смерть есть нежность. Но если нежность зачинает нас, то как она становится нам смертью?

Любовь в наших широтах – нежность. Слишком близко к смерти.

И я бы не боялся нежности и гибкости зеленых стеблей растений, кабы не знание об их опасном упрямстве к жизни. Страх и трепет – это для сильных. Канатоходцы нежны. Горбуны особенно чувствительны. И маленький господин Фридеман так и лежит себе мертвый, мордой в салате, весь в слезах. И площадь полна нежности, утаенной среди смеха. Не в этом ли суть готических корчей? Не в нежности ли?

И я подставляю следующую щеку для поцелуя (для влажного моллюскового прикосновения створок женских губ, для поцелуя ударом сухой горячей ладони, для поцелуя ударом холодной черной перчаткой, напяленной на равнодушный кулак и т.д.), помня, чем закончилась карьера одного из самых ангажированных богов.

Поцелуй – вот вам нежность. Поцелуй – это слово, произнесенное в пустыне сада. Все, что только может предшествовать смерти – это нежность поцелуя.

Сила – вот вам искушение в саду пустыни. Нежность – вот вам искушение Царством Божьим.

В пустыне сада. В саду пустыни. В саду, где человек, вынули из тебя душу и носят на руках, носят по улицам, плача, поклоняясь. Поклоняясь, не веря, плача, смеясь, поклоняясь, не веря. Человек, неизбежно возникающий из небытия ради еще большего небытия, ради еще большего неверия в то, о чем нынче плач. Мы хотели играть с вами в свадьбу, а вы не... мы хотели играть с вами в похороны, а вы не плакали.

Он – Рыба. Он – подземный, хоть и не слишком хтонический, а все равно из каменоломен происходит. Он как будто смотрит за тобой – приглядывает, а ты выбираешь здесь под этим осклизлым небом между небом вины и небом иллюзий, между одой к физической боли и еле-шепотом силы среди всеобщего поквартирного опустошения.

Х

В заброшенном саду мой маленький Христос вдруг замирает на глазах у яблок, у слив и белены, у девочек и девичьих собачек. И он, кому известны сны всех жителей поселка, провидит будущее мира, но только кто ему подаст хоть каплю мирра, хоть каплю драгоценной той воды, которая могла бы стать вином? Кому здесь нужен бог, хотя бы и уменьшенный до их размеров? Уж как мы старались, уж как мы вырезали из дерева его образ, его подобие, его лик, его внешность... мать твою!.. а толку? Да и не мы это были. Так или иначе, даже самая маленькая, самая гипсовая, самая пресвятая, самая дева... что толку?

И я, сильный, плачу среди плодовых деревьев, заботливо посаженных людьми ради того, чтобы Господь мог молиться среди плодовых деревьев о людях, что посадили эти деревья. Поздно. Больше некому, кроме пчел и людей ряженных пчелами. Только кому теперь нужны танцы? Только мед.

Этот мед не сладок без танцев, без августа, без осени и зимы, без смерти и воскресения. Я знаю, я пробовал этот мед.

ДМИТРИЙ КУЗЬМИН – ГРАДОСТРОИТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С Дмитрием Кузьминым (Москва, Россия) о его творческом пути, проекте «Вавилон» и современной русской литературе беседует Игорь Котюх (Тарту, Эстония).*

Игорь Котюх: Вы очень тесно связаны с литературой – выступаете как поэт, переводчик, издатель, критик, составитель и редактор важнейших сборников и антологий, куратор многочисленных проектов. Какая из литературных ипостасей Вам ближе всего?

Дмитрий Кузьмин: Ваша формулировка предполагает субъективный ответ, фокусирующий внимание на том, как это у меня в голове устроено. Если так, то самое интересное, захватывающее занятие – писать стихи (включая сюда же и стихотворные переводы). Мне кажется, что обе классические интерпретации поэтического творчества – как власти над языком, лепки языкового материала, и как подчинения языку, чуткого следования его предписаниям, – неполны, односторонни, а в действительности поэт ведет с языком захватывающий диалог, к чему-то его побуждает, с благодарностью принимает от него ответные подсказки. Но потом, когда текст завершен, он уже не так меня радует, даже если я знаю за ним те или иные объективные достоинства. Со статьями наоборот: писать я их не люблю, делаю это с большим трудом – зато удавшиеся перечитываю с удовольствием. Вот так и выходит, что больше всего меня радует издательская работа. Издательство-то у меня – одно слово, что издательство: в своем кабинете за компьютером верстаю книжку, на метро отвожу файлы в типографию, расплачиваюсь деньгами из кармана и через месяц на такси забираю тираж. То, что с примерно 250 выпущенными за 13 лет книгами это издательство входит в пятерку ведущих российских издателей поэзии, – некоторый парадокс. И вот в этой работе меня одинаково радуют и процесс (честное слово, я очень люблю вот эту чисто техническую работу: располагать буквы на странице, – если, конечно, мне симпатичен составленный этими буквами текст, но других я, как полномостный хозяин своего времени и своих денег, не издаю), и результат – небольшие, но полновесные книги, в последние годы (усилиями двух моих друзей-дизайнеров) еще и довольно изящные, на мой вкус.

* Интервью состоялось 19 февраля 2006 г. Дмитрий Кузьмин ответил электронным письмом на заранее подготовленные вопросы как делегат международного литературного фестиваля *Prima Vista*, проходившего 4-6 мая 2006 г. в Тарту. Опубликовано в эстонском культурном еженедельнике *Sirp* (28.04.2006). На русском языке печатается впервые.

Если же отвлечься от моих личных умонастроений (которые, собственно, вряд ли должны кого-то, кроме моих близких, волновать), то итог, пожалуй, будет примерно тот же. Я хорошо отношусь к своим стихам, но поэтов этого уровня в русской литературе сегодня несколько сотен; без каждого из них пейзаж чуточку обеднеет, конечно, но масштаб потери все-таки будет сравнительно невелик. А вот людей, способных реализовывать в литературе некоторый осмысленный, концептуально состоятельный проект, можно пересчитать по пальцам одной руки: остальные действуют по инерции, под давлением обстоятельств и т.п. Между тем авторов так много, разброс поэтик настолько велик, что без целенаправленной работы организаторов процесса будет совершенный хаос и произвол.

Что побудило Вас связать свою жизнь с литературой и что удерживает в ней?

Так сложилось. Были и другие варианты: наука, педагогика, политика, театр. В юности хотелось заниматься всем сразу. Сказать, что я выбрал литературу, было бы преувеличением: я пробовал и то, и это, но получилось именно здесь. Когда я думаю об этом, мне вспоминается стихотворение Давида Самойлова «Ночной сторож», из эстонских стихов, заканчивающееся словами: «Благодарите судьбу, поэты, / ... что вам почти ничего не нужно, – / А все, что нужно, / Всегда при вас». При этом, разумеется, литература (не сочинительство, а чтение) была для меня одним из приоритетов с отрочества, бабушка (известная переводчица Нора Галь) чуть не с трех лет читала мне вслух Пастернака, отец (к которому я 15-летним подростком явился после восьми лет разлуки, родители были в разводе) в первый же вечер выдал мне ксерокопию набоковского «Дара» и самиздатский сборник Натальи Горбаневской (год стоял 1984-й, то и другое было под цензурным запретом), и т.д., и т.п. Но делать из литературы фетиш мне никогда не казалось правильным: она – лишь один из многих способов саморазвития человечества, не больше и не меньше.

Для многих участников литпроцесса Ваше имя ассоциируется прежде всего с проектом «Вавилон». Как Вы к этому относитесь? Что означает для Вас «Вавилон»?

Когда это название впервые возникло в 1989 году на обложке тоненького самиздатского журнала, выпускавшегося группой из 5 авторов (мне, старшему, было 20), – мы имели в виду, что художественных языков в современной литературе может и должно быть много, и это не катастрофа, а залог интересного будущего. И то, что название это удержалось, перешло сперва на полиграфический альманах-ежегодник, потом на интернет-антологию современной литературы, а сейчас многими употребляется в расширительном смысле, применительно к целому пласту русской поэзии, – говорит не только об успешности каких-то моих организационных усилий, но и, прежде всего, о созидательном потенциале такого понимания вещей. И даже то, что уже сам брэнд «Вавилона» вызывает такое раздражение у адептов любой нормативной поэтики, а особенно у идеологов усредненной толстожурнальной гладкописи, – это добрый знак. Второй поворот темы – то, что исходно «Вавилон» был молодежным проектом, объединял младшее литературное поколение в ситуации культур-

ного перелома, когда самобытные голоса этого младшего поколения старшим коллегам, сознательно или бессознательно предпочитающим эпигонов, были не вняты. Довольно скоро мы начали действовать за пределами поколения, приглашая старших авторов в наши проекты: выступать в нашем литературном клубе, печататься в наших книжных сериях, открывать страницы у нас на сайте, – удерживая при этом максимальную широту спектра. А теперь уже и ключевым фигурам «Вавилона» – за 30. Но обостренное внимание к первым шагам нового литературного поколения, поиск в нем не способных подражателей, а независимых, пусть и не вполне еще устоявшихся, голосов, – это мы сохранили в своей работе (сегодня эта линия материализована книжной серией «Поколение», посвященной нынешним 20-летним). И наш новый журнальный проект – ежеквартальный поэтический журнал «Воздух», первый номер которого выходит в марте, – прямо наследует альманаху «Вавилон» в своей установке на поэтическую многоязычность и обещает пристальный интерес к работе молодых авторов, хотя, как и ряд других наших проектов (в том числе сайт *vavilon.ru*), никакими возрастными рамками сам по себе не ограничен.

Как Вы пришли к своему известному заключению «Поэзия – это производство смыслов»?

Я не претендую на копирайт в отношении этой формулы. Она прямо вытекает из всего, что мы узнали в XX веке об искусстве вообще и о поэзии в частности – благодаря Шкловскому, Тынянову, Якобсону, Лотману. Так что основы моего понимания сущности и задач поэзии сложились в результате изучения книг, раскрывающих механизм ее действия: даже самый хитроумный формальный кунштюк, даже самая демонстративная эрозия плана содержания прежде всего нагружены содержательно. С другой стороны, есть и мировоззренческая сторона вопроса. Наиболее важные для меня мыслители XX века – от неомарксистов (и прежде всего Эриха Фромма) до Сент-Экзюпери (унаследованного мною от бабушки, переведшей на русский «Планету людей» и «Маленького принца», – спустя почти 40 лет я в память о ней заново перевел его раннюю повесть «Южный почтовый») – понимали развитие человечества, как некое гигантское строительство, горько сетуя на отлынивающих от работы за карточной игрой и на спекулирующих стройматериалами. Какова роль искусства на этой стройплощадке? Конечно, нужна и полезна и сфера обслуживания: строителям необходимы горячий обед и сопровождающий его радиоконцерт «В рабочий полдень». Значит ли это, что великий поэт отличается от малого тем, что обслужил больше народу и более качественно? Или все-таки его специальность – непосредственно строительная: создание понимания из непонимания, осмысление прошлого и настоящего и, следовательно, программирование будущего? Это последнее представление мне значительно ближе. Мои оппоненты часто говорят, что из него вытекает пренебрежение читателем; думаю, наоборот: при таком представлении читатель понимается не как потребитель (со статусом, равным статусу едока в кафе, пациента в больнице и моющегося в бане), а как познающий субъект, сполна разделяющий с автором творческое усилие.

Согласны ли Вы с тем, что новому поколению сложнее заявить о себе, чем предыдущему – ввиду того, что сказать нечто принципиально новое почти невозможно? Каким в этой связи Вам видится поколение «00»?

Каждое поколение приходит не на пустое место. Конечно, есть и различия: одно дело – выступить на литературную сцену в разгар определенного этапа развития, когда воздух культуры так и звенит от множества самобытных голосов, другое – под занавес этапа, когда все устало и этот перезвон переходит в вялый неразборчивый гул, или в самом начале чего-то нового, когда отдельные яркие возгласы сложно соотнести друг с другом и уложить в картину целого. Но едва ли одно легче другого. Во всяком случае, я не вижу, отчего положение сегодняшних дебютантов чем-либо затруднительнее, чем вчерашних. Литературный пейзаж сегодня значительно отличается от того, что было 15 лет назад, когда начинал я и мои друзья, – есть от чего отталкиваться. Совсем другим стал и мир вокруг нас – мир, в котором противостояние Запад-Восток практически сошло на нет, а противостояние Север-Юг угрожающе обострилось, мир, в котором Интернет, мобильная телефония и тому подобные вещи незаметно меняют до неузнаваемости повседневную жизнь людей, их психологию и поведенческие реакции, – и т.д., и т.п. Этот мир надо освоить, осмыслить, запечатлеть – пока и он уже не стал прошлым. Работы хватит на всех, кто талантлив и усерден. И уже сейчас в поколении-2000 есть яркие индивидуальности, по мере сил выполняющие эту задачу. В русской поэзии последних лет я вижу прорывы к новому знанию о новом в нашей жизни у Михаила Котова, Татьяны Мосеевой, Ксении Маренниковой, еще нескольких авторов. Им непросто: за спиной у них (как и у большинства сегодняшних 20-летних) не столько опыт чтения, сколько погруженность в речевую стихию современности, чуткость повседневного слуха, и теперь им не без труда дается подключение к традиции. Но и обратная модель творческого созревания – сперва обживание традиции, а потом отпочковывание от нее – тоже дело нелегкое. Так что все идет своим чередом.

Насколько контекстуальна современная русская литература в плоскости других больших литератур, насколько самобытна?

К сожалению, это правильнее назвать не самобытностью, а зашоренностью и автаркичностью. С зарубежной прозой ситуация чуть лучше, ее интенсивно переводят и издают (хотя до сложных и неожиданных авторов, равно как и для авторов, пишущих на более редких языках, очередь доходит нечасто). С зарубежной поэзией плохо совсем. Русские писатели в массе своей совершенно незнакомы с любимыми другими национальными традициями. И это не может не тревожить, если учесть, что исторически многие взлеты русской поэзии – от самого ее начала до, скажем, символистов – были связаны именно с привлечением инокультурных ресурсов. Конечно, есть отдельные авторы, ведущие в одиночку этот диалог: Аркадий Драгомощенко, Александр Скидан, Станислав Львовский, Марина Темкина – с разными течениями в американской поэзии, Ника Скандиака – с англичанами и

ирландцами, Сергей Морейно – с поляками, Полина Андрукович – с французами, – но все это капля в море. И даже опыт титанов середины XX века – Элиота, Каммингса, Целана, Рене Шара, да мало ли кого еще, – мало кем как следует освоен. Здесь – большая лагуна в новейшей русской культуре и серьезнейшая задача для новых людей.

При всем том какие-то интернациональные процессы захватывают и русскую литературу – это чистая конвергенция: меняется окружающий литературу мир, и литература тоже должна измениться. Скажем, интерес русских поэтов к хайку заметно растет без особого взаимодействия с мировым сообществом пишущих хайку поэтов, особенно активным в англоязычных странах и почему-то в странах бывшей Югославии: просто и для русских так же важны вызвавшие это сообщество к жизни литературные и культурные тенденции – попытка реставрировать само явление жанра, стремление заново осмыслить человека как интегральную часть окружающей среды, и ряд других.

Какие движения формируют современную русскую литературу – общественные? литературные? политические?

Пожалуй, для ответа на этот вопрос надо было бы смотреть на русскую литературу откуда-то извне. Мне изнутри кажется, что в общем и целом литература сегодня достаточно автономна от общественно-политической ситуации – при том, что сколько-то значимых исключений, то бишь художественно состоятельных произведений, прямо связанных с социально-политическим измерением, за последний десяток лет появилось (характерно, например, издание в 1999 году целой поэтической антологии со стихами о чеченской войне, – уровень этих текстов был разный, но среди авторов были и фигуры первого ряда). Разумеется, есть еще отдельный мир «патриотической литературы», объединенной в самый крупный из осколков Союза советских писателей; однако в художественном отношении вся без исключений продукция сотен авторов этого круга настолько ничтожна, что из серьезного разговора именно о литературе весь этот мир следует исключить.

Иное дело – что на борьбу литературных партий оказывает влияние социально-политическая инерция позавчерашнего дня. Многие журналы, например, продолжают выходить (а их руководство – представлять литературу в общегосударственном масштабе) не потому, что у них есть какая-то платформа, собственный круг авторов и т.п., а исключительно потому, что от советских времен у них остались недвижимость, часть которой можно сдать в аренду, подписчики в лице провинциальных библиотек и репутация культурного наследия. Легко себе представить меру художественной инертности таких изданий.

По крупному счету в русской поэзии продолжается противостояние советской официальной литературы и свободной неподцензурной словесности: первую характеризует узкий диапазон приемлемости (эстетический, тематический, этический), вторую – широкий. Может быть, продуктивным был бы путь эстетического размежевания, при котором каждому

участку этого широкого спектра соответствовали свои издания, фестивали и другие литературные проекты. Однако попытки такого рода редки: мало талантливых организаторов, нет денег. Так что борьба по-прежнему идет между теми, кто считает, что поэзия должна быть сколь угодно разной, и теми, кто полагает, что все должны писать примерно одинаково.

Насколько крупные литературные премии России помогают читателю ориентироваться в потоке книг и каких авторов Вы бы отметили лично (за последние несколько лет)?

Думаю, ни насколько не помогают. Ведь порядочная премия хороша прежде всего своей логикой, определенностью концептуальных оснований. А основные российские литературные премии больше напоминают лотерею. Особенно красноречив тот факт, что жюри у них каждый год новое – чтобы уж точно не было никакой преемственности решений. Поэтому даже если Букеровская премия – крупнейшая из присуждаемых за прозу – в чередке посредственных или даже добротнo-приличных произведений вдруг выпадет шедевру (как это случилось несколько лет назад с романом Михаила Шишкина «Взятие Измаила»), – то это ничего не будет значить ни для премии, ни для шедевра. Это же, увы, относится и к премии «Дебют» для молодых авторов – с той принципиальной разницей, что на предварительных стадиях там постоянно работают настоящие профессионалы, составляющие каждый год вполне осмысленные лонг-листы, из которых сменное жюри всякий раз нечто выхватывает наобум; к счастью, в поэтической номинации «Дебют» выпускает ежегодные антологии, по которым вполне можно судить о происходящем у 20-летних. Единственная прочная и устоявшаяся литературная премия России, о которой, на мой взгляд, стоило бы говорить всерьез, – это премия Андрея Белого, но как раз мне о ней говорить неудобно, потому что в 2002 году я ее получил, а с прошлого года приглашен работать в ее оргкомитете.

Что до наиболее ярких авторов дня сего, то прозу я читаю не всю и мог что-то пропустить. Последним экстраординарным явлением в русской прозе для меня остается названное «Взятие Измаила» (следующий роман Шишкина понравился мне меньше). В целом та линия в русской прозе, которая мне близка, – внимательная к каждому слову и каждому интонационному повороту, озабоченная не столько рассказыванием историй, сколько созданием атмосферы, отражением духа времени, – представлена преимущественно книгами серии *Soft Wave* издательства «Новое литературное обозрение», в которой вышли тома Станислава Львовского, Ольги Зондберг, Леонида Костюкова, Дениса Осокина, Вадима Месяца, Маргариты Меклиной, Юрия Лейдермана (двое последних – лауреаты Андрея Белого, Осокин – «Дебюта», Месяц – только что учрежденной премии имени Бунина). Добавить к этим именам я бы хотел, пожалуй, только 30-летнюю Линор Горалик, завершающую сейчас свой третий роман, но сильнее всего поразившую меня сборником прозаических миниатюр и стихотворений в прозе «Не местные».

О поэтах мне говорить труднее – уж очень многих я люблю и высоко ставлю. Правда, большинство моих любимцев со мной уже лет десять. Из нового за последние 3-4 года, помимо уже названной раньше молодой поросли, – несколько авторов, которых я впервые распробовал при работе над проектом, связанным с сегодняшним существованием русской поэзии за пределами России (этот проект состоит из прошлогодней антологии «Освобожденный Улисс» – 244 автора из 26 стран – и книжной серии «Поэты русской диаспоры»). Арсений Ровинский из Копенгагена, Сергей Магид из Праги, Василий Ломакин из Вашингтона, израильтянин Леонид Шваб – имена прежде почти неизвестные. А из более привычных имен – событием стало пару лет назад возвращение в поэзию выдающегося поэта Алексея Цветкова, не писавшего целых 17 лет. События – каждая новая книга Елены Фанайловой и Марии Степановой. И многие, многие другие первоклассные авторы продолжают успешно работать.

ДМИТРИЙ КУЗЬМИН

(МОСКВА, РОССИЯ)

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Этот беглый очерк современной русской поэзии появился на свет благодаря московскому корреспонденту испанской газеты «Эль Паис» Родриго Фернандесу, в один прекрасный день приславшему мне письмо следующего содержания: «Я готовлю сейчас большой материал о русской литературе, и мне остается написать только небольшую статью о русской поэзии. В этой связи я обращаюсь к Вам за помощью и прошу Вас ответить на два вопроса: 1. Какие течения существуют сейчас в русской поэзии; 2. Назовите десять (15-20) самых значительных пишущих сейчас поэтов и буквально в одной-двух фразах охарактеризуйте их творчество. Ваши ответы будут использованы в материале, естественно, со ссылкой на Вас». После первого изумления мне подумалось, что при всей экстравагантности постановки вопроса в нем есть большая доля правды: в самом деле, картина современной русской поэзии настолько пестра и разнообразна, что требует уже какого-то общего плана. Разумеется, в ситуации, когда систематическая история русской поэзии не написана за последние сто лет, системное описание поэтического сегодня выглядит авантюрой, – и предлагаемый текст не может претендовать в полной мере на научный статус. Следует также иметь в виду, что его первый вариант был адресован иноязычному читателю и потому требовал каких-то (весьма упрощенных) замечаний по поводу более ранней русской поэзии.

Говорить о направлениях и эстетических тенденциях в современной русской поэзии сложно – из-за особенностей устройства российской литературной жизни. Ведь нормальная литературная жизнь устроена так: у каждого более или менее значительного течения в литературе есть какие-то свои институты (издательства, журналы, фестивали, премии и т.п.), а каждая литературная институция, в свою очередь, выражает какую-то эстетическую тенденцию (и уже поверх такой дифференциации делаются попытки выстроить единое пространство: собираются антологии, в которых представлены разные направления поэзии, и т.д.). А в России ничего подобного нет. Дело в том, что основные российские литературные журналы и издательства – наследники советской литературной системы, в которой иметь

* Впервые опубликовано: журнал «Аполлинарий» (Казахстан, г. Алматы), 2006, № 1, с. 76—88.

собственную художественную индивидуальность никому (или почти никому) не позволялось. И хотя советской системы давно нет, но журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» и другие по-прежнему не имеют никакой отчетливой эстетической позиции. Потому и круг авторов постсоветских «толстых журналов» в значительной мере один и тот же. Но и новые издательские проекты в области поэзии, возникшие уже в постсоветское время, по большей части уклоняются от эстетической определенности, видя своей задачей противостояние «толстым журналам» по всему фронту – как это было раньше, когда поэты самиздата были более или менее едины в своем противостоянии с официальной советской поэзией. И в результате в современной русской поэзии есть, конечно, группы авторов с родственной поэтикой, но эти группы, как правило, никак не оформлены, ничем не скреплены, не выдвинули никакого манифеста, и для самих поэтов их родственность друг другу подчас совершенно неочевидна. Это сильно осложняет задачу исследователя – и мы знаем из опыта, что попытки классификации новейших русских авторов по их эстетике (наиболее подробная такая попытка предпринималась лет 10 назад Михаилом Эпштейном) не имеют успеха, наталкиваясь на размытость, неопределенность самого материала.

В первой половине 1990-х наиболее заметными тенденциями в русской поэзии считались концептуалисты и метареалисты (метаметафористы). В центре внимания первых находилась проблема тотальной несвободы человеческого высказывания, его неизбежной неподлинности, неаутентичности, предопределенности набором дискурсивных практик. Социокультурная критика, предъявленная концептуализмом, была очень сильна и влиятельна, но к концу 1990-х исчерпала себя. Из четырех центральных фигур этого течения один автор – Лев Рубинштейн – полностью ушел из поэзии в эссеистику, двое – Тимур Кибиров и Михаил Сухотин – довольно резко поменяли поэтические ориентиры и обратились к очень личной, несколько болезненной лирике, и только Дмитрий Александрович Пригов продолжает работать в рамках концептуалистской парадигмы, все больше сосредотачиваясь на критике слова и высказывания как таковых, независимо от их социокультурной и дискурсивной принадлежности. Новых адептов концептуализм тоже не приобрел. Правда, на рубеже 1990-2000-х гг. среди молодых поэтов на короткое время стало очень влиятельным течение, названное постконцептуализмом и пытавшееся повернуть орудия концептуализма в другую сторону, использовать его методы для конструирования лирического высказывания: основной вопрос постконцептуализма – «как можно осуществить аутентичное лирическое высказывание после того, как концептуализм показал, что такое высказывание невозможно?» Достижения поэтов-постконцептуалистов – Дмитрия Соколова, Дмитрия Воденникова, Кирилла Медведева, Данилы Давыдова – были довольно яркими, но и это течение быстро исчерпало себя: одни авторы замолчали, другие стали писать иначе, и художественная проблематика постконцептуализма вместе с его методами превратились (как это чуть раньше произошло с самим концептуализмом) из достояния одной группы авторов в элемент культурного багажа, так или иначе принадлежащего самым разным поэтам и по-разному ими используемого. То же можно сказать, вероятно, и о хронологическом

и логическом предшественнике концептуализма – русском конкретизме, сосредоточенном также на проблеме речи, но еще видящем в речи (разговорной или внутренней) источник смысла и эстетического переживания, которые поэту нужно только выделить и огласить: хотя патриарх этого течения Всеволод Некрасов и несколько его талантливых последователей (Иван Ахметьев, Михаил Нилин, Борис Кочейшвили) продолжают работать, но в основном их дело уже сделано: представление о возможности понимать речь как эстетически самоценный объект стало общим достоянием современной русской поэзии.

Смена поколений произошла и в лагере метареалистов – поэтов, для которых основа поэтического мировидения – вещь, предмет окружающего мира, метафизическое содержание этой вещи, метафизически насыщенный диалог, который вещи ведут между собой и в который должен на равных включиться человек. Из пяти поэтов-метареалистов первого ряда двое – Александр Еременко и Иван Жданов – практически замолчали, а еще трое – Аркадий Драгомощенко, Владимир Аристов и Алексей Парщиков (а также никогда не примыкавший к ним лично, но близкий по содержанию Михаил Еремин) – продолжают плодотворно работать, но уже не оказываются в центре внимания критики и читателей: метареалистическая поэзия слишком сложна для восприятия и, что еще более важно, слишком опосредованным образом привязана к сегодняшнему дню. Правда, альманах «Комментарии», выпускаемый с 1992 года единомышленником метареалистов прозаиком Александром Давыдовым, обеспечивает этому поэтическому течению кое-какой приток новых сил, и в последние 2-3 года с книгами стихов и декларативными заявлениями метареалистического толка выступили еще несколько авторов (прежде всего, Андрей Тавров и Александр Иличевский), однако они не особенно молоды: младшее поэтическое поколение тяготеет к другим ориентирам.

В представлениях середины 1990-х между полюсами концептуализма и метареализма лежало обширное пространство постакмеистического мэйнстрима. Продолжая традиции русского акмеизма в лице, прежде всего, Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама (начав вместе, эти два великих русских поэта первой половины XX века затем разошлись по своей поэтике довольно далеко, оставив своим преемникам весьма широкий диапазон возможностей), ведущие поэты этого течения удерживали привычное понимание лирики как психологически углубленного и философски насыщенного исследования о человеке, его месте в мире и в культуре – и при этом держались более или менее классической русской просодии, оставаясь, как правило, в рамках рифмованного силлабо-тонического стиха. Сильно упрощая, можно сказать, что двумя основными группами авторов этого течения были «Московское время» (прежде всего Бахыт Кенжеев и Сергей Гандлевский, но также замолчавший еще в 1980-е Алексей Цветков) и разные ответвления весьма условной «ленинградской школы» (старшие авторы – Иосиф Бродский, Евгений Рейн, Александр Кушнер, следующее поколение – Виктор Кривулин, Елена Шварц, еще следующее – Алексей Пурин, Олег Юрьев, Валерий Шубинский и другие). Именно этот род поэзии занял почти целиком страницы «толстых журналов» – правда, далеко не всегда в своих лучших проявлениях.

Сегодня все названные и некоторые другие авторы этого толка (кроме, увы, ушедших из жизни Бродского и Кривулина) продолжают оставаться сердцевиной литературного процесса, хотя творчество некоторых мастеров старшего поколения уже давно идет на спад. В то же время продолжает писать много и удачно Кенжеев, после 17-летней паузы вернулся в поэзию Цветков, впервые выпустил полномасштабное избранное Юрьев. Однако большинство новых авторов, выступивших со стихами постакмеистического рода в последние 10-15 лет, производили впечатление старательных, иногда очень талантливых – но все-таки эпигонов: их отдельные стихи ничем не уступали мастерам предыдущих поколений, но никакого нового высказывания, никакой собственной авторской индивидуальности у этих авторов (в том числе снискавших немалую известность) невозможно было обнаружить. До последнего времени казалось, что этот наиболее обработанный участок русского поэтического поля окончательно утратил плодородие, однако недавние книги Марии Степановой и Арсения Ровинского заставляют в этом усомниться: оба автора, разменяв четвертый десяток, вышли к творческой зрелости и обнаружили себя прямыми продолжателями Виктора Кривулина с его сквозным мотивом места рядового человека в истории, – Ровинский придает этому мотиву специфические обертона особой позицией лирического «я», наблюдающего за историей как за абсурдистской драмой из неопределимого отдаления, а Степанова (особенно в новейшей книге с характерным названием «Физиология и малая история») комбинирует проблему историчности повседневного с рефлексией по поводу собственной телесности и сексуальности, устанавливая метафорические отношения между историко-культурным и сексуальным *et vice versa*.

На периферии постакмеистического мэйнстрима обнаруживает себя, с одной стороны, более консервативная поэтика, прямо ориентирующаяся на русский стих XIX века, – в ней продолжают плодотворно работать несколько неувядающих авторов старшего поколения (Инна Лиснянская, Наталья Горбаневская), однако никаких новых интересных авторов здесь не появлялось уже давно. С другой стороны, существует сравнительно широкий и довольно разнородный круг авторов, для которых постакмеистический канон в том или ином своем проявлении – не свой мир, который можно развивать и обустраивать, а то, от чего можно оттолкнуться в движении к каким-то иным поэтическим мирам. В 1990-е гг. из таких авторов заметными фигурами были Михаил Айзенберг и Евгений Сабуров, у которых постакмеистическая просодия проверяется на способность усвоить уроки конкретизма – вобрать в себя бережно сохраненные интонации разговорной речи, и Николай Байтов, балансирующий на грани концептуалистского тотального отрицания, но удерживающийся от пересечения этой грани – не в последнюю очередь благодаря осязательному интересу к самой поэтической ткани, к ритмомелодической и фонической организации текста (что на экзистенциальном уровне, поскольку любой формальный выбор имеет обязательные содержательные импликации, говорит о ценностной устойчивости, о неготовности к этическому релятивизму). В более младших поколениях кардинальную деформацию постакмеистического канона продемонстрировали, в частности, Андрей Поляков и Сергей

Круглов, оба идущие от Мандельштама в своем понимании всепоглощающего диалога человека с культурой как единственного способа вынести безграничное экзистенциальное одиночество, однако гибридирующие мандельштамовскую поэтику: первый (вслед за некоторыми стихотворениями Цветкова) – с абсурдизмом обериутов, другой влиятельной школы первой половины XX века, второй – с верлибром европейской поэзии середины XX столетия. В этом же ключе можно говорить о творчестве целого ряда значительных авторов рубежа 1990-2000-х гг.: Елены Фанайловой, Игоря Вишневецкого, Николая Звягинцева, Демьяна Кудрявцева и др.

Несколько особняком стоит линия русской поэзии, для которой главным событием «северного века», т.е. первой четверти XX века, был не акмеизм, а футуризм. Те авторы, для которых наибольший интерес в футуризме представляли идеи синтеза искусств и отказа от логоцентризма, в большинстве своем покинули пределы поэзии как вида искусства и двинулись в сторону визуальной поэзии, саунд-поэзии, перформанса, – на грани до последнего времени оставался погибший два года назад поэт старшего поколения Дмитрий Авалиани, сделавший полноценными формами русской поэзии палиндром, анаграмму и несколько других экспериментальных типов письма. Понимание футуризма как попытки высвободить смысл из оков языковой нормы дало во второй половине XX века таких выдающихся мастеров, как Виктор Соснора и Геннадий Айги, однако круг их нынешних продолжателей в целом состоит из не слишком значительных авторов (впрочем, следует отметить особо неяркий, но глубокий дар Юрия Милорава, в чьей поэзии усилено заметное и у Айги влияние французского сюрреализма, и своеобразного Сергея Завьялова, у которого опыт Айги специфически преломлен вдумчивым интересом к античной просодии и античному мировосприятию). Яркие дебютанты-неофутуристы середины 1990-х – Александр Суриков, Сергей Проворов – быстро ушли из поэзии, и сегодня будущее этого течения в русской поэзии находится под вопросом.

С большой долей условности можно выделить в качестве отдельного направления новейшей русской поэзии круг авторов, для которых главные источники поэтики лежат за пределами русской национальной традиции. В той или иной мере это можно отнести и к некоторым уже названным авторам: так, для метареалистов Драгомощенко и Аристова имел большое значение опыт американской *language school*, а для постконцептуалиста Медведева – поэзия Чарлза Буковски. Русский аналог объективистской поэзии, призванной фиксировать с максимальной точностью и достоверностью наблюдения и рефлексии субъекта, начинали создавать еще в 1960-70-е гг. Сергей Кулле, Михаил Файнерман и некоторые другие, однако в фокус внимания – не всегда доброжелательного – литературной общественности объективистски ориентированная поэзия попадает лишь в последние годы благодаря творчеству Станислава Львовского, Сергея Тимофеева, Виктора Полещука и других, довольно разных в остальном поэтов (так, если Львовский фиксирует опыт жителя мегаполиса, чья повседневная жизнь непосредственно связана с новыми технологиями, вторгающимися в самую глубину его души и видоизменяющими мировосприятие,

то Полещук пишет о застойной жизни далекой российской окраины, где почти ничего не происходит). К метафизической глубине и новому переосмыслению архетипических образов тяготеет не скрывающий своей преемственности по отношению к Элиоту и Целану Михаил Гронас, в то время как Полина Андрукович, пытающаяся в своих миниатюрах воссоздать раздробленность, фрагментарность впечатления и самоощущения, явно учитывает опыт новых французских авторов вроде Андре дю Буше. Широкий круг мировой поэзии XX века так или иначе задействован в поэзии и тесно примыкающих к ней визуальной поэзии и поэтической прозе Андрея Сен-Сенькова, для которого большое значение имеет сама по себе задача восстановления связей между русской и мировой культурой. Объединяет всех названных авторов, пожалуй, только интенсивное обращение к верлибру вместо рифмованного и метрического стиха, до сих пор воспринимаемое в России как знак западных культурных ориентиров.

Остальные гипотетически возможные направления развития русской поэзии фактически оказались к сегодняшнему дню представлены единичными авторами (если, разумеется, оставаться в кругу художественно состоятельных явлений). Попытки воскрешения эпической поэзии всерьез предпринимаются только Ларисой Березовчук, чей подход беспрецедентен в силу того, что не опирается на традицию классической поэмы, апеллируя скорее к конструктивным принципам эпической драмы и крупной музыкальной формы, благодаря чему крупная поэтическая форма Березовчук обладает исключительно тонкой и сложной организацией на уровне малых единиц текста (звуков, слогов и т.п.). Не столько эпическое, сколько нарративное начало располагает в сердцевине своей поэзии Фаина Гримберг, чьи длинные стихотворения представляют собой нечто вроде свернутых романов (в большинстве случаев любовно-исторических). Сложные преобразования фольклорно-мифологических ресурсов, подчас замаскированных до неузнаваемости, подчас интерпретируемых в сугубо провокативном ключе благодаря двузначности определенного пласта лексики, сакрального в архаическом употреблении и обценного в современном, находятся в фокусе внимания Шиша Брянского (Кирилла Решетникова). В целом устройство российской литературной жизни оставляет авторам-одиночкам довольно призрачные шансы на внимание не только читателей, но и профессионального сообщества.

Важный для многих мировых поэзий региональный принцип в русском поэтическом пространстве развит довольно слабо: противостояние Москвы и Санкт-Петербурга не вылилось ни в какое действительное противоречие между московской и петербургской поэзией, а региональные поэтические школы в русской провинции если и возникают, то существуют, ввиду тяжелой социальной и культурной обстановки, недолго: ключевые фигуры либо быстро замолкают, либо разъезжаются в столицы или за пределы России, и связь между участниками школы слабеет и исчезает. Так, сегодня уже затруднительно говорить о воронежской поэтической школе, заметной в конце 1990-х, после того как Елена Фанайлова и Константин Рубахин перебрались в Москву, Роман Карнизов перестал публиковаться и, видимо, писать, и действующим воронежским поэтом остался один Александр Анашевич;

дело, разумеется, не в изменении данных прописки у тех или иных авторов, а в вырисовывающемся все отчетливее расхождении их творческих ориентиров (так, Фанайлова все дальше сдвигается в сторону гражданской лирики, уникальной по эмоциональной насыщенности и глубине анализа, но уходящей от продолжающей волновать Анашевича более общей проблематики нетождественности личности самой себе). Примерно так же за последние 10 лет рассыпались еще несколько многообещающих поэтических региональных школ, из которых особые сожаления вызывает кемеровская, распавшаяся после гибели ее лидера Игоря Давлетшина. Сходная судьба постигла и ярко заявившую о себе на рубеже 1980-1990-х гг. ферганскую школу русского стиха, в составе которой поэты, являющиеся этническими узбеками, на нейтральной территории русского языка выясняли отношения между среднеазиатским менталитетом и западноевропейской поэтикой (впрочем, лидер школы Шамшад Абдуллаев остался верен и Фергане, где живет до сих пор, и своему творческому методу). Зато другая региональная школа русского стиха на территории бывшего СССР, рижская, на исходе 1990-х гг. возродилась благодаря деятельности уже упомянутого Сергея Тимофеева, собравшего вокруг себя литературную группу «Орбита» из пишущих по-русски латвийских авторов 1970-х годов рождения. В других странах мира также немало русских поэтов, но о местных поэтических школах можно говорить, пожалуй, только в Израиле, где несколько значительных авторов заявляют, что они не русские поэты, живущие в Израиле, а израильские поэты, пишущие по-русски, – любопытно, что такое самоопределение почти не отражается на просодии, сказываясь у таких разных авторов, как Михаил Генделев и Александр Бараш, лишь родственным кругом тем и образов. Несмотря на слабую фактическую представленность регионального структурирования в современной русской литературе, ценностный потенциал такого структурирования полагается, по-видимому, достаточно высоким: об этом говорят относительно многочисленные попытки декларировать единство и специфичность регионального литературного пространства в отсутствие значительных оснований для такой декларации (примерами могут служить дискуссии о владивостокской поэтической школе в альманахе «Серая лошадь» и о сибирской поэзии как едином целом в альманахе «Иркутское время»).

Не слишком развит в русской поэзии и гендерный подход, что отчасти парадоксально, поскольку в круг безоговорочно признанных классиков русской поэзии первой половины XX века входят по меньшей мере две женщины – Анна Ахматова и Марина Цветаева (а по мнению ряда специалистов, их место могли бы оспаривать еще Елена Гуро и Мария Шкапская). Авторами-женщинами много и в новейшей поэзии, в том числе среди поэтов первого ряда, но большинство из них в своем творчестве не занято специально рефлексией гендерных проблем. Это не может помешать исследователям увидеть в поэзии Ольги Седаковой выдающееся по отточенности и убедительности воплощение традиционных представлений о женщине как хранительнице стабильности жизни, а в новейших стихах Инны Лиснянской – исключительный по эмоциональной силе образ женской судьбы как беззаветного служения своему мужчине. Наиболее широко и с наибольшей психологической

точностью основной круг привычных женских тем – замужество, материнство, эмоциональное охлаждение в браке, новая любовь, ведущая к распаду семьи, – предстает в стихах Веры Павловой, однако и здесь очень заметно, что базовые гендерные представления лирического «я» (и, вероятно, автора) весьма традиционны. Проблематизация гендера встречается в современной русской женской поэзии (за вычетом новейшего ее поколения, о котором чуть ниже) редко – в качестве ключевого автора следует назвать живущую в США Марину Темкину, чья сквозная тема вообще – влияние на сознание современного человека бытующих представлений о том, что такое быть женщиной, быть евреем, быть интеллигентом и т.п. Русская гей-поэзия, отсчитывающая свой век от стихов Евгения Харитоновича 1970-х гг., впервые подвергших художественному исследованию специфику однополюй любви, немногочисленна и разнородна, варьируя от изящной стилизации Алексея Пурина, полностью строящего поэтическое осмысление современных любовных отношений между женщиной и мальчиком на древнегреческих моделях, до агрессивной *queer*-поэзии Ярослава Могутина, ревизирующей любые ценности приватной сферы и трактующей межличностные отношения как целиком построенные на отношениях власти и собственности. Что касается русской лесбийской поэзии, то (несмотря на то, что опыты 1910-20-х гг., прежде всего у Софьи Парнок, гораздо ближе к современному пониманию гендерной проблематики, чем появившаяся в ту же эпоху гомоэротическая лирика Михаила Кузьмина) до самого последнего времени она оставалась совершенно любительской, и только в новом поэтическом поколении 2000-х гг. несколько авторов – Гила Лоран (Галина Зеленина), Ксения Маренникова, Наталья Стародубцева – взялись за ее разработку всерьез.

Вообще о новом поколении авторов возникла возможность говорить лишь в самое последнее время. Рубеж поколений, очевидно, возникает тогда, когда какой-то крупный социокультурный сдвиг меняет условия формирования личности для молодых людей вообще и для молодых авторов в частности. Молодые поэты 1990-х формировались в России под воздействием Перестройки, резко изменившей социально-психологический климат и культурный контекст: это было первое за много десятилетий поколение, стоящее перед необходимостью определяться в быстро меняющемся мире, а не адаптироваться к условиям стагнации. В начале 2000-х гг. ситуацию личностного и творческого созревания изменило массовое проникновение в жизнь человека новых информационных и коммуникационных технологий. Речь идет не только о переменах в мировосприятии и поведенческих моделях (как сказано в одном из стихотворений Станислава Львовского, посвященных этим переменам, раньше говорили «Я что-то почувствовала и приехала», / теперь говорят «Получила твою СМСку»), но и о новой форме социализации молодого автора – Интернет-сайтах со свободной публикацией, образующих своеобразную коммуникативную среду, в которой изначально оказываются почти все дебютанты 2000-х гг. Если представить себе, что значительные поэтические достижения возникают там, где плодотворная литературная традиция пересекается с вызовом времени, социально-психологическими особенностями эпохи, то раньше, как правило, молодой поэт сперва включался (хотя бы и через подражание)

в течение традиции, а потом постепенно выходил на уровень запросов эпохи, – теперь же многие талантливые молодые авторы практически сразу начинают работать в пласте современности, беря за основу остросовременные речевые модели (рекламные тексты, глянцевою журналистику, рок-тексты и др.), а подключение к традиции, обогащение культурного багажа происходит уже потом. Благодаря этому парадоксальным образом некоторые открытия русской поэзии последних десятилетий (конкретистская открытость к самородной поэтичности речи, постконцептуалистское стремление добиваться искренности и аутентичности высказывания несмотря ни на что, объективистский пафос фиксации деталей окружающего мира во всей подлинности и подробности, интерес к гендерным проблемам) с самого начала оказываются достоянием младшего поколения и требуют только дальнейшего соотнесения с уже наработанным старшими авторами опытом. Говорить о 22-23-летних поэтах как о состоявшемся литературном явлении всегда рискованно, но представляется, что уже сегодня такие авторы младшего поколения, как Татьяна Мосеева, Михаил Котов, Юлия Идлис, открывают новую страницу в истории русского стиха. В то же время поколение авторов, родившихся в 1980-е гг., уже внесло свой вклад и в развитие нескольких обозначенных выше традиций: близкая к метареализму поэзия Марианны Гейде, «западническая» верлибрическая миниатюра Ильи Кригера, неожиданное ответвление конкретизма у Дины Гатиной сделали этих авторов в их 20 с небольшим заметными фигурами в русской поэзии.

Вместо предисловия

Балтийское приграничье. Игорь Котюх (Тарту, Эстония) 5

Поэзия

Павел Настин (Калининград, Россия) 3

Семен Ханин (Рига, Латвия) 7

Антон Люциев (Калининград-Москва, Россия) 9

Денис Кузьмин (Таллинн, Эстония) 11

Таисия Ковригина (Вильнюс, Литва) 13

Сергей Тимофеев (Рига, Латвия) 16

Вадим Кейлин (Санкт-Петербург, Россия) 20

Диана Эфендиева (Нарва, Эстония) 37

Евгений Паламарчук (Калининград, Россия) 40

Эрика Друнгите (Вильнюс, Литва) 44

Артур Пунте (Рига, Латвия) 47

Светлана Бодрунова (Санкт-Петербург, Россия) 52

Яшка Громова (Нарва, Эстония) 55

Игорь Белов (Калининград, Россия) 67

Игорь Котюх (Тарту, Эстония) 72

Лариса Йоонас (Кохтла-Ярве, Эстония) 75

Дарья Суховой (Санкт-Петербург, Россия) 77

Елена Элтанг (Вильнюс, Литва) 85

Александр Скидан (Санкт-Петербург, Россия) 89

Жорж Уаллик (Рига, Латвия) 94

П. И. Филимонов (Таллинн, Эстония) 98

In memoriam

Поэт щемящей легкости. Текст-группа «Орбита» (Рига, Латвия)	104
Олег Золотов (Рига, Латвия)	105

Проза

Сказка До и другие миниатюры. Ирина Максимова (Калининград)	25
Серый район. Дмитрий Жербин (Хельсинки)	29
Три истории. Татьяна Перцева (Хельсинки)	31
Тотем. Полина Копылова (Хельсинки)	56
Время местное. Место временное. Наталья Антонова (Калининград)	80

Эссе

Дешевые вещи из Европы. Павел Настин (Калининград)	109
--	-----

Гость номера

Дмитрий Кузьмин – градостроитель русской литературы. С Дмитрием Кузьминым (Москва, Россия) беседует Игорь Котюх (Тарту, Эстония)	114
--	-----

Публицистика

Русская поэзия в начале XXI века. Дмитрий Кузьмин (Москва, Россия)	121
--	-----

Балтийские голоса

Об авторах	132
----------------------	-----

ОБ АВТОРАХ

Наталья Антонова (Калининград, 1977). Окончила Литературное отделение Филологического факультета КГУ, работала в школе преподавателем русского языка и литературы. С 2003 работает в Балтийском институте экономики и финансов менеджером довузовского образования и преподавателем русского языка и профориентационного менеджмента. Публиковалась в журнале *Reflect* (Чикаго), в сборнике «Молодые голоса» (Москва).

Игорь Белов (Калининград, 1975). Родился в Ленинграде. В Калининграде проживает с 1988. Окончил Калининградский государственный университет. Стихи публиковались в региональной и московской периодике: журналах «Запад России», «Балтика», «Литературная учеба», «День и ночь», «Континент», альманахах «Насекомое» и «Алконошь», сборниках «Молодые голоса», «Новые писатели», «Пролог», «Антология калининградской поэзии», «Солнечное сплетение», «Поэзия Урала». Переводился на польский и эстонский языки (журнал *Vikerkaar*, Таллинн). В 2004 г. в Калининграде вышла книга стихов «Весь этот джаз».

Светлана Бодрунова (Санкт-Петербург, 1981). Родилась в Белоруссии, последние 10 лет проживает в Санкт-Петербурге. Окончила магистратуру факультета журналистики СПбГУ и магистратуру Университета Вестминстера (Лондон), учится в аспирантуре СПбГУ. Публиковалась в журналах «Звезда», «Нева», «Сетевая поэзия», «Зинзивер», сборнике «Братская колыбель» (Москва, 2004) и антологий «Стихи в Петербурге. 21 век» (Санкт-Петербург, 2005). Книги: «Ветер в комнатах» (Санкт-Петербург, 2001) и «Прогулка» (Санкт-Петербург, 2005).

Яшка Громова, псевдоним (Нарва, 1984). Окончила музыкальную школу (фортепиано). В Нарвском профессиональном учебном центре получила диплом по специальности «Компьютерные сети», там же продолжает обучение по специальности «Мультимедиа». Публиковалась в сборниках «Скрепка» (Таллинн), «Когда душа поет» (Нарва), а также в Интернете.

Эрика Друнгите (Вильнюс, 1971). Окончила Клайпедский университет со степенью магистра литовской филологии, а также Университет Витаутаса Великого, где получила научную степень доктора гуманитарных наук. Около 80 научных публикаций по истории литовской литературы. Сборники стихов: *Tikslī ziema* («Точная зима», 1998) и *Ramybės* («Умиротворенность», 2003).

Дмитрий Жербин (Хельсинки, 1984). Родился в Петрозаводске. В 1995 году переехал в Финляндию. Публиковался в историко-культурном и литературном журнале "LiteraruS" (Финляндия, 2006).

Олег Золотов (Рига, 1963-2006). Родился в Риге. Учился в Рижском педагогическом училище, Куйбышевском музыкальном училище. Получил специальность каменщика-печника. Работал печником, трубочистом, администратором театра. Переводил латышских поэтов. Печатался в рижских журналах «Родник», «Даугава», «Шпиль», *Karogs*, в альманахах «Орбита», «Рижский альманах», «Улов» (Москва, 2001), в «Антологии русского верлибра» (Москва, 1991), в антологии «Освобожденный Улисс» (Москва, 2004). Книга стихотворений «18 октября» (Рига, 2006).

Лариса Йоонас (Кохтла-Ярве, 1960). Родилась в Татари. Окончила Московский энергетический институт, после чего переехала в 1983 году в Эстонию. Работает лектором в колледже Таллиннского Технического Университета. Публиковалась в журналах «Новый Таллинн», «Радуга» (Таллинн), «Стевая поэзия» (Москва). Книга стихов и прозы «Самый белый свет» (Москва, 2006).

Вадим Кейлин (Санкт-Петербург, 1984). Публиковался в альманахе «Перелом ангела». Координатор отдела поэзии на сайте «Точка. Зрения» и портала звучащей поэзии «Живое слово».

Таисия Ковригина (Вильнюс, 1984). Учится на филологическом факультете Вильнюсского университета. Публиковалась в Интернете.

Полина Копылова (Хельсинки, 1976). Родилась в Ленинграде. Окончила Санкт-Петербургский институт кино и телевидения (тележурналистика). С 2002 года живет в Хельсинки (Финляндия). Публиковалась в журналах «Звездная дорога», «Дети Ра», «Реальность фантастики», в альманахе «Сакральная фантастика» (Москва, 2001), журнал «Звезда» (Санкт-Петербург, 2005). Роман «Летописи Святых Земель» (Санкт-Петербург, 1997). Победитель конкурса художественного перевода с финского языка в номинации «Проза», организованного Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге в 2005 году.

Игорь Котюх (Тарту, 1978). Изучал эстонский язык и литературу в Тартуском университете, дипломная работа посвящена проблемам перевода Льва Рубинштейна на эстонский. Работал журналистом, переводил эстонскую поэзию (в т.ч. детскую) на русский язык. Как поэт публиковался в журналах и альманахах «Радуга» (Таллинн), «Таллинн», «Хронос» (Даугавпилс), «Воздушный змей» (Тарту), а также в антологии «Освобожденный Улисс» (Москва, 2004). Стихи публиковались также в переводах на эстонский, финский и болгарский языки. Ежегодная премия эстонского журнала «Лооминг» (2004, за перевод своих стихов на эстонский). Книга стихов «Когда наступит завтра?» (Таллинн, 2005), книга переводов *Is «2004»* (Таллинн, 2005).

Денис Кузьмин (Таллинн, 1981). Окончил филологический факультет Таллиннского Педагогического Университета, работает там же секретарем. Автор и исполнитель песен таллиннской группы *ANABASIS*. Публиковался в альманахе «Юный Таллинн» (Таллинн, 2003), журнале «Вышгород» (Таллинн) и Интернет-журнале «Пролог» (Москва). Книга стихов «Палимпсесты» (Таллинн, 2005).

Дмитрий Кузьмин (Москва, 1968). Окончил филологический факультет Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Кандидат филологических наук (2005). Публикации стихов, переводов американской и украинской поэзии, критические и литературоведческие статьи в периодике и Интернете. Лауреат Премии Андрея Белого 2002 г. в номинации «За заслуги перед литературой».

Антон Люциев, псевдоним (Калининград-Москва, 1987). Родился в Барнауле Алтайского края. Жил в Алма-Ате, с 1997 – в Калининграде. Учится в РГУ (Москва). Публиковался в сборниках «Молодые голоса» (2004, 2005, Калининград), альманахе «Насекомое» (2003, 2004, Москва), в сборнике «Солнечное сплетение» (Калининград, 2005).

Ирина Максимова (Калининград, 1980). Родилась в Риге. Окончила психолого-педагогическое отделение Пушкинского лицея г. Риги. С 2002 г. проживает в Калининграде, в 2004 г. приняла российское гражданство. Публикации в журналах «Арс» (Рига), «Рец» (Интернет), *Reflect* (Чикаго), «Девятый сфинкс» (Николаев) и антологиях «Молодые голоса» (Калининград) и «Солнечное сплетение» (Калининград). Книга «Баблгамы обратно» (Калининград, 2005).

Павел Настин (Калининград, 1972). Поэт, фотограф, независимый куратор. Публикации: журнал «Сетевая поэзия» (Москва), «Век искусства» (Рязань), *Reflect* (Чикаго), «Новый берег» (Копенгаген), альманах «Черновик» (США), сборник «Зверос. Эрос. Ксенос» (Москва), антология «Солнечное сплетение» (Калининград). Книга стихов «Язык жестов» (Москва, 2005).

Евгений Паламарчук (Калининград, 1979). Окончил Калининградский государственный университет по специальности «Радиофизика и электроника / телекоммуникации». Публиковался в журнале «Вавилон» (Москва) и сборнике «Братская колыбель» (Москва, 2004)

Татьяна Перцева (Хельсинки, 1978). Публиковалась в журналах «Русский свет» (Финляндия, 2003), в альманахе «Иные берега» (Финляндия, 2003), «Гайд-Парк» (Англия, 2004), «Дети Ра» (Россия, Москва, 2005, 2006), «LiteraguS» (Финляндия, 2006). Победитель конкурса рассказов за 2003 г. среди русскоязычных писателей Финляндии, организованный университетом г. Тампере (Финляндия) и СПбГУ совместно с журналом «Русский свет» (Финляндия). Лауреат премии журнала «Дети Ра» в номинации «Короткая проза» (2005 год).

Артур Пунте (Рига, 1977). Окончил Литературный институт имени М.Горького. Работает в рекламе. Концептуальные проекты *Bubbleshow* (www.bubbleshow.com, в соавторстве с Дмитрием Загой, www.zagga.org), «Как хочешь!» (www.re-lab.net/KX, с Владимиром Светловым, www.vladimirsvetlov.net) и др. Автор нескольких видео-поэтических работ, один из организаторов фестиваля поэтического видео *Word in Motion* (2001, 2003). Переводчик латышской поэзии. Редактор альманахов «Орбита» и сайта www.orbita.lv, составитель сборника «Dengi/Науда» (2001). Пишет стихи на русском и латышском. Публиковался в альманахах и мультимедийных изданиях «Орбита», в журналах «Даугава», *Karogs, Luna*, «Латвийская литература», в сборниках и альманахах «Dengi/Науда», *Dzejas diena*, «Спутник» (Кемерово, 2001), «Вавилон» (Москва), *Nell'orbita di Riga* (Италия, 2006), *Arg poetica* (Братислава, 2005), журнале *Ariel* (Швеция), в сборнике «Братская колыбель» (Москва, 2004), альманахах «Девять измерений» (Москва, 2004), «Освобожденный Улисс» (Москва, 2004). Книги: «Холмы без меня» (Рига, 1996) и «Иди-иди» (Рига, 1998).

Александр Скидан (Санкт-Петербург, 1965). Поэт, критик, переводчик. Публикации в журналах: «Звезда», «Октябрь», «Волга», «Поэзия и критика», «Митин Журнал», «Звезда Востока», «Комментарии». Антологии: «Антология русского верлибра» (Москва, 1991), «24 поэта и 2 комиссара» (СПб, 1994), *Poesie* (Франция, 1993), *Le Chaire du Refuge* (Франция, 1994), *Kuka Puhuu* (Финляндия, 1997), *Crossing Centuries* (США, 2000), *La Nuova Poesia Russa* (Италия, 2003). Книги стихов: *Delirium* (1993), «В повторном чтении» (1998), «Красное смещение» (2005). Книги эссе: «Критическая масса» (1995), «Сопротивление поэзии» (2001). Лауреат Тургеневского Фестиваля малой прозы (1998). Лауреат премии «Мост» за лучший критический текст о поэзии (2006). Стихи переведены на английский, датский, итальянский, эстонский, финский, французский, шведский языки и иврит.

Дарья Суховой (Санкт-Петербург, 1977). Окончила филфак СПбГУ, аспирант кафедры русского языка СПбГУ. Поэт, литературтрегер, филолог, критик. Автор трех стихотворных книг: «Стихи конца апреля» (1997), «АВТОМ» (1997), «Каталог случайных записей» (2001). Публикации в периодике, в антологиях «Время "Ч"» (2001), «Анатомия ангела» (2002), «Девять измерений» (2004), «Братская колыбель» (2004). Куратор инфопроекта «СПбЛитГид» (с 1999). Участник поэтических фестивалей в Москве, Финляндии и Украине. Автор идеи и организатор «Майского фестиваля новых поэ-

тов» (Санкт-Петербург, с 2001). Стихи переводились на украинский, финский, литовский, итальянский, английский языки.

Сергей Тимофеев (Рига, 1970). Окончил филологический факультет Латвийского университета. Вел авторскую программу на Латвийском телевидении. Ди-джей, копирайтер, журналист. Редактор альманахов и мультимедийных изданий «Орбита», один из организаторов фестивалей поэтического видео *Word in Motion*. Переводчик латышской поэзии. Публиковался в латвийских изданиях «Родник», «Даугава», «ИБО», *Karogs, Luna*, «Латвийская литература», альманахах и мультимедийных изданиях «Орбита», журналах *Ariel* и *OOTAL* (Швеция), *Westerly* (Австралия), «Звезда Востока» (Узбекистан), *Poesia* (Италия), «Черновик» (США), российских журналах «Знамя», «Митин журнал», альманахе «Вавилон» (Москва), сборниках, «24 поэта и 2 комиссара» (Санкт-Петербург, 1995), «Dengi/Науда» (2001) и «Спутник» (Кемерово, 2001), *Nell'orbita di Riga* (Италия, 2006), в антологиях «Самиздат века» (Минск-Москва, 1997), «Девять измерений» (Москва, 2004), «Освобожденный Улисс» (Москва, 2004), *The Same Sky* (США, 1993), *A Fine Line* (Великобритания, 2004), *Hotel Parnasus* (Нидерланды, 2005) *Ars Poetica* (Братислава, 2005), *Antologie současní lotyšské poezie* (Прага, 2006). Книги стихов: «Собака. Скорпион» (Санкт-Петербург, 1994), «Воспоминания диск-жокея» (Рига, 1996), «96/97» (Рига, 1998), «Почти фотографии» (Рига, 2003), «Сделано» (Москва, 2003).

Жорж Уаллик (Рига, 1975). Учился в рижском Международном институте практической психологии. Работал сторожем, строителем, копирайтером. Создатель театрального проекта «ТеатраеТ» (постановка «Сплошьгриб», дэнс-ридинг проект «Кружева Ласточек» и др.), участник многочисленных хэппенингов и перформансов. Публиковался в альманахах и мультимедийных изданиях «Орбита», журналах «Даугава», *Karogs*, «Латвийская литература», *Ariel* (Швеция), сборнике «Спутник» (Кемерово, 2001). Книга стихотворений «Бес шансов, или Дядя деда» (Санкт-Петербург, 2006)

П.И. Филимонов, псевдоним (Таллинн, 1975). Окончил факультет английской филологии Таллиннского педагогического университета. Работает преподавателем в школе языков. Пишет стихи, прозу и драматургию. Публиковался в журналах «Новый Таллинн», «Наша улица» (Москва), в сборнике «Путин.Дос. Девять революционных пьес» (Тверь, 2005), антологии «Освобожденный Улисс» (Москва, 2004) и в Интернете.

Семен Ханин, псевдоним (Рига, 1974). Учился в Латвийском университете, на филологическом факультете. С 1998 года публиковался в журналах «Даугава», *Karogs, Luna*, «Латвийская литература», «Шпиль», *Ariel* (Швеция), *Vikerkaar* (Таллинн), альманахах и мультимедийных изданиях «Орбита», альманахах *Dzejas diena*, «Вавилон» (Москва), сборнике «Спутник» (Кемерово, 2001), в антологиях «Девять измерений» (Москва, 2004), «Освобожденный Улисс» (Москва, 2004). Книга стихов «Только что» (Рига, 2003).

Елена Элтанг (Вильнюс, 1964). Родилась в Ленинграде. Окончила факультет журналистики Ленинградского университета. С 1988 года жила в Париже, Копенгагене, Лондоне, в последние годы в Вильнюсе. Книга стихов «Стихи» (Калининград, 2003), публикации в антологии «Освобожденный Улисс» (Москва, 2004), журналах «Знамя», «Октябрь», а также в Интернете.

Диана Эфендиева (Нарва, 1969). Публиковалась в журнале «Радуга» (Таллинн), сборнике «@нтология» (Санкт-Петербург, 2001), и в Интернете. Книга стихотворений «Джаз декабря» (Санкт-Петербург, 2001)

Книжная серия «Воздушный змей: Первый полет» –
дебютные книги русских поэтов и прозаиков Эстонии

Ирина Мелякова
МУРАВЕЙНИК
Стихи

Дмитрий Краснов
ЛЕТНЕЕ ПЕРЕМИРИЕ
Стихи

Готовятся к печати

П.И.Филимонов
ЗОНА НЕЕВКЛИДОВОЙ ГЕОМЕТРИИ
Роман

П.И.Филимонов
МАНТРЫ ТРЕТЬЕГО ПОРЯДКА
Стихи

Альманах «Воздушный змей»

Издается 2 раза в год – весной и осенью.

 Адрес редакции:

Vanemuise 19
Tartu
Estonia, 51014

www.tvz.org.ee
tvzorg@hotmail.ee